

САМЫЙ РОМАНТИЧНЫЙ ПИСАТЕЛЬ ИТАЛИИ

ФЕДЕРИКО
МОЧЧИА

ТЫСЯЧА
НОЧЕЙ
БЕЗ ТЕБЯ

РИПОЛ КЛАССИК

18+

Федерико Моччиа
Тысяча ночей без тебя
Серия «Человек, который
не хотел любить», книга 2

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66890838

Тысяча ночей без тебя: РИПОЛ классик; М.; 2022

ISBN 978-5-386-14530-9

Аннотация

София не может признаться самой себе, что сбежала от проблем: брака с Андреа, воспоминаний о Танкерди, неопределенности чувств и безумной тоски по музыке.

Софии придется взглянуть правде в лицо. Пришла пора взять судьбу в свои руки. Девушка возвращается обратно в Рим, к мужу и дорогому сердцу творчеству. Ей предстоит заново открыть для себя многогранность любви.

Но вернуться к нормальной жизни не так-то просто. Софию поджидает множество сюрпризов. Чего только стоит появление Танкреди! Он изменился, но не смог забыть своих чувств и теперь намерен добиться взаимности. Чем же закончится эта история? И чего желает сердце пианистки? Нам только предстоит узнать...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	11
Глава третья	19
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	33
Глава седьмая	37
Глава восьмая	43
Глава девятая	49
Глава десятая	56
Глава одиннадцатая	62
Глава двенадцатая	66
Глава тринадцатая	69
Глава четырнадцатая	85
Глава пятнадцатая	94
Глава шестнадцатая	98
Глава семнадцатая	103
Глава восемнадцатая	107
Глава девятнадцатая	110
Глава двадцатая	115
Глава двадцать первая	121
Глава двадцать вторая	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Федерико Моччиа

Тысяча ночей без тебя

*Чем ночь темней,
Тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь,
Тем ближе Бог.*

Аполлон Майков

*Дорогому Пиполо, который сделал мне
прекрасный подарок!*

Semplicemente amami (before E il cuore si fa più leggero)

© by Federico Moccia, 2019

By agreement with Pontas Literary & Film Agency.

© Артемьева П.И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа
Компаний «РИПОЛ классик», 2022

Глава первая

Острова Фиджи

Море и ночь слились воедино. Слегка освещенные волны разбивались о кромку воды. Серебряная луна окрашивала пляж в янтарный цвет. Песок был мягкий и холодный, и Танкреди на ходу подкинул в воздух несколько песчинок, позволяя ночному бризу унести их с собой мгновение спустя. Затем он остановился. В его сердце только что всплыли воспоминания – прекрасные, сильные, уникальные, из какой-то другой ночи, случившейся так давно. Он смотрел вдаль, в сторону горизонта, который скрывала от него тьма.

«Я не вижу его, но знаю, что он там. Как и ты, София».

Волны накатили на его босые ноги, слегка намочив подол льняных брюк, закатанных до щиколоток. В воде плеснулась серебряная рыбка, случайно попавшая в лунный свет.

«Когда наступает ночь, все становится как будто труднее, отдаленнее, болезненнее. Тебя здесь нет, но, черт возьми, ты всегда рядом. Я не могу от тебя освободиться. Твой образ возвращается так внезапно, иногда словно сильная, стремительная волна, запущенная какой-нибудь бурей, а иной раз – словно низкий, слабый и легкий гребень, взволнованный

небольшим ветерком. Иногда бывает и так, что даже тот простой факт, что ты жива, заставляет меня поверить, обманывает меня в том, что я счастлив одной только надеждой возможной встречи с тобой. Я живу только ей, этой последней надеждой».

Танкреди продолжил идти. Пальмы качались в такт ветру. Луна поднялась еще выше. Далекие облака постепенно растворились и дали звездам сиять свободно. Какие-то мелкие ночные зверьки быстро шныряли по кустам.

Этот остров – рай, но иногда он напоминает самый настоящий ад. Чоран говорил, что ночи, когда мы спим, – это ночи, в которые нас не существует. В нашей памяти остаются только те, что бессонные. И сегодня вечером будет одна из таких.

Россия

В небольшом концертном зале на Можайской улице, окруженном снегом и деревьями, всемирно известная пианистка София Валентини играла Наймана. Ее глаза закрыты, она слегка двигала головой, а ее руки бегали по клавиатуре с невероятной скоростью. Музыка наполняла все пространство, окутывала людей, а ноты как бы проходили сквозь стены, попадали на улицу, поднимались к небу и летели сквозь белые облака, сквозь звезды и достигали наконец полной луны, которая слушала их и впитывала в себя. А ноты продол-

жали свой путь дальше и долетали до бесконечных глубин необъятного и далекого озера Байкал. Затем по той же дороге они направились в Уссурийский заповедник, чтобы затем вновь вернуться в этот полный зал людей, которые неподвижно, словно зачарованные, слушали ее музыку.

Оля сидела в левом углу заднего ряда. Она помнила каждую ноту наизусть, каждую строчку этого произведения, каждую паузу – оно было одним из первых, что выучила София. И все же, несмотря на это, она плакала, как в первый раз. Никто на свете больше так не играет, никто так не умеет управлять оркестром с помощью фортепиано, как София, никто не может так исполнять Наймана. Поэтому ее переполняли эмоции. Оля не могла сдерживать слез и плакала так, что даже маленькая девочка, сидевшая рядом с ней, повернулась и с изумлением смотрела, как плакала эта пожилая женщина. Она с недоумением уставилась на нее. Ей хотелось сказать ей что-нибудь, но она не знала что. Оля, почувствовав пристальный взгляд ребенка, заставила себя улыбнуться, и удовлетворенная малышка вернулась к музыке.

Оля улыбнулась сама себе. «Почему это мне так хорошо? – думала она. – Возможно, это все со мной делает София. А возможно, есть что-то такое внутри меня, какое-то волнение, которого я и сама не понимаю...»

Но она не успела ответить на поставленные ею самой вопросы, потому что София доиграла последний аккорд, наконец остановилась и неподвижно замерла, слегка наклонив

голову. Прошло всего несколько мгновений, и вот уже весь зал вскочил на ноги, разражаясь громовыми аплодисментами. Оля тоже поднялась и захлопала в ладоши, поглядывая направо на маленькую девочку, которая точно так же бросила ей свой взгляд в ответ и, снова увидев улыбку этой женщины, начала хлопать в ладоши еще сильнее. Она снова была спокойна.

Елизавета слегка покачала головой, думая о том, что же произошло. «Как может такая взрослая дама не радоваться такому концерту? Может быть, когда становишься большой, то теряешь всякое чувство прекрасного? А может, она, как моя бабушка, которая плохо слышит? Да и вправду она совсем, похоже, ничего не слышит». И девчушка рассмеялась.

Оля взглянула на нее. «Как хорошо, она больше не беспокоится из-за меня. Интересно, о чем она думает, раз так смеется?» Затем Оля прошла к сцене. София благодарила публику поклоном. Кто-то бросил к ее ногам красные розы.

София подобрала их, скрипя дощечками старой сцены. Затем, улыбаясь, она подняла цветы и поднесла их к груди, прямо к сердцу. Красное платье, изысканное и легкое, обнажало ее плечи. София немного дрожала от холода, ведь адреналин от выступления постепенно проходил. Она вновь посмотрела по сторонам, оглядывая тех зрителей, которые все еще не переставали аплодировать. Она в очередной раз поклонилась и наконец ушла со сцены.

«Безусловно, у Софии уникальный дар, – думала Оля. –

Исполнение „A Wild and Distant Shore“ с таким крещендо, как у нее, может сравниться только с Петером Бенце, установившим мировой рекорд по количеству звуков, сыгранных на фортепиано за одну минуту. Это настоящий талант. И после этого он больше никогда не играл это произведение, потому что знал – так же идеально второй раз он сыграть не сможет». Она тысячу раз слышала, как он играет, и только Софии удалось его превзойти. Потому что София идеальна, она просто не могла играть по-другому. Только вот она, кажется, все никак не понимала этого или, что еще хуже, не принимала. Почему же она не хотела вновь осчастливить публику по всему миру? Она жила тут вот уже больше восьми месяцев – в Первомайском районе, примерно в десяти километрах от Владивостока, где без конца дул ветер. Легенды гласили, что ветер родился в этих местах среди моря и заснеженных вершин. Временами он становился настолько сильным, что мог согнуть самые толстые стволы деревьев и выкорчевать их. Но все это не волновало Софию, которая упрямо оставалась сидеть в этом месте, скрываясь ото всех, будто кем-то отправленная в ссылку, чтобы давать концерты только в этом крошечном зале. Когда она вернется назад, чтобы большее количество могло признать ее талант? Когда она снова будет принимать приглашения величайших концертных залов Европы и Америки?

Олю охватила печаль, но она продолжала аплодировать, правда, уже без бывшего энтузиазма.

Она не знает, что она на самом деле ошибалась и что тот момент, о котором она так мечтала, был уже совсем близко.

Глава вторая

Люди подходили к гримерным – всем хотелось поприветствовать музыкантов, и в особенности они хотели увидеть Софию.

– Прошу прощения, позвольте познакомиться с вами, позвольте вас поздравить!

Происходило настоящее столпотворение. Мужчины и женщины всех возрастов, дети – все хотели с ней сфотографироваться, сделать селфи, взять у нее автограф, сделать ей комплимент.

София не останавливалась ни на секунду, постоянно улыбаясь и приветствуя нескольких своих учениц.

– Как замечательно, вы пришли!

– Мы бы ни за что на свете такое не пропустили, наша дорогая учительница!

София посмотрела на них, состроив строгий взгляд:

– Ах, значит, учительница... Вот почему вы здесь. Боялись, что если я вас не увижу на концерте, то дам еще больше упражнений, да?

Девочки рассмеялись:

– Что вы такое говорите!

– Сегодня для вас мне хочется быть просто Софией.

Они обняли ее, сделали подряд несколько поспешных селфи, а затем ушли, блистая своими прическами в виде собран-

ных в тугой, узкий пучок волос, своей бледной и нежной кожей, своими ярко-голубыми глазами.

Они выглядели так, как будто бы их сделали по трафарету. «Все они здесь невероятно красивы, – думала София, – они так изысканны, так естественно просты».

– София! Моя королева!

Но, как ни жаль, того же сказать о мужчинах было нельзя. Дмитрий Останов был одним из самых ярких персонажей этого городка, всегда готовый организовывать обеды, вечеринки, мероприятия. Но в этом году он впал в некое подобие депрессии, поскольку все никак не мог смириться с тем, что его не выбрали на должность мэра третий раз подряд. Его обошел человек гораздо старше, но зато более любимый народом. Люди были уже сыты по горло всеми его бесчисленными и к тому же почему-то обязательными мероприятиями. Так что вот он, явился – Дмитрий Останов во всей красе, в еле натянутой на пузо жилетке, грозившейся треснуть по швам каждую секунду, с прической в виде растрепанных волос, распределенных по обе стороны от лысины, и с красными щеками, словно от ужасного водочного похмелья. И конечно же его вечный спутник – полное отсутствие здравого смысла. Он неуклюже подошел к Софии, вытер свою руку о штаны, затем взял ее ладонь и поцеловал. Он посмотрел ей в глаза и с озорной улыбкой спросил, видимо, считая себя весьма обворожительным:

– Вы получили мои розы?

– Да, и записку я тоже прочитала, спасибо.

– Их было двадцать четыре.

Он произнес это так самодовольно, будто бы рассказывал о Кохинуре, Горе света, – самом дорогом алмазе на свете.

Софию чуть было не передернуло, но она предпочла действовать дипломатично.

– Вам понравился концерт?

– Мне нравится все, что связано с вами.

Он сделал очередную попытку поцеловать ее руку, на этот раз приблизив свои влажные губы на слишком опасное расстояние.

София резко отдернула руку, избегая его атаки, и тут же побежала навстречу другому человеку, только что вошедшему поприветствовать ее:

– Александра! Как хорошо, что ты зашла!

Она обняла молодую женщину, которой, однако, пришлось прошептать той на ухо:

– Вообще-то, меня зовут Ленина.

– Прости, – прошептала София. – Я, похоже, сильно устала от этого концерта, вот и перепутала. В любом случае я рада тебя видеть. Давай сфотографируемся!

– Да, давай.

Они обе улыбнулись своему импровизированному фотографу – какому-то растерянному парню, которому Ленина всучила мобильный телефон, в то время как Дмитрий Останов, едва улыбаясь, в смущении вышел из гримерки. Вновь

он был разочарован в своих мечтах о королеве, которая все никак не хотела сделать его своим королем. Люди продолжали подходить, чтобы выказать свое восхищение Софии. Они по очереди заходили в гримерку, полную цветов, на фоне которых совсем потерялись прижатые к стене двадцать четыре розы Дмитрия Останова. Наконец, в сопровождении своей матери Даны прибежала и малышка Елизавета, подбежавшая к Софии сразу же, как увидела ее. Она бросилась на нее и некоторое время оставалась так стоять, словно отпечатавшись на ее красном платье. Она закрыла глаза и обняла ее еще крепче, еще сильнее, чтобы показать, насколько сильно ей понравился концерт.

София улыбнулась:

– Елизавета, тебе понравился концерт?

Маленькая девочка запрокинула голову, но продолжала крепко обнимать Софию. Затем она открыла свои большие, сияющие от счастья черные глаза – самые необычные в ее классе.

– Очень сильно! Я тоже хочу так играть... – И она посмотрела на свою мать, Дану, улыбнувшуюся ей в ответ.

На самом деле ей было очень грустно, поскольку у них не было денег, чтобы позволить Елизавете заниматься вечно.

София погладила девочку по голове:

– Ты прекрасно играешь. Однажды ты тоже будешь выступать... Это всего лишь вопрос упорства, страсти и постоянства. Но в таком случае нужно поставить музыку на самое

первое место.

Сказав это, София вдруг погрузилась, ведь это именно то, что сделала она. И что, счастлива ли она теперь? А была ли вообще когда-нибудь?

Она отогнала эти мысли, улыбнулась и обхватила ладонями лицо этой красивой маленькой девочки:

– Я помогу тебе, и если ты действительно так сильно любишь музыку, то и она полюбит тебя.

Елизавета в последний раз обняла Софию и оставила ее поговорить с остальными.

К ней подошла Дана, мать:

– Поздравляю! Это был прекрасный концерт, по-настоящему волнующий, я испытала столько эмоций.

– Спасибо.

– Слушайте...

– Не волнуйтесь. Как-нибудь справимся...

– Но...

– Елизавета сейчас слишком сильно этим заражена, нельзя вот так сразу лишать ее мечты. Возможно, когда она полюбит кого-то другого, фортепиано само собой отойдет на второй план.

«Хотя, конечно, – думает София, – со мной этого не случилось». Но она все равно улыбнулась ей. Дана кивнула и сделала вид, что согласилась с ней, но все еще беспокоилась о том, что уроки стоили дорого. Ей удалось оплатить первые занятия, но больше она не потянет. Она часто подрабатывала

уборщицей в школе, куда ходила ее дочь, а после обеда убирала в частных домах, но никто не хотел повышать ей оплату, а вот стоимость самой жизни выросла. И, словно всего этого было недостаточно, Сергей, ее муж и отец Елизаветы, потерял работу, его компания закрылась. Сейчас он пытался заработать хоть какие-то деньги, устраиваясь разнорабочим по вызову. Он выполнял небольшие заказы по работе с камнем или столярному делу, но иногда ему приходилось соглашаться и на другие, более простые заказы. Например, часто он ездил чинить оконные рамы, прочищать засоры в раковине или, еще хуже, в туалете, поскольку все это легко забивается и тот, кто знает, как починить, востребован всегда. И почему реальность всегда действует наперекор мечтам?

София посмотрела на нее и, кажется, угадала ее мысли. Она уже было открыла рот, чтобы что-то сказать, как вдруг в дверях появилась Оля. Она улыбнулась и развела руками – ей не нужно было говорить никаких слов, жест и так выражал все, что она хотела сказать: «Все было просто идеально, ты не ошиблась ни в одном пассаже» или «Это было твое лучшее выступление».

Но на этот раз Оля не остановилась на жестах, она все же решила добавить словами:

– Прекрасный концерт... Это было грандиозно.

Елизавета посмотрела на нее, затем вырвалась из рук матери и подскочила обратно к Софии. Она была совсем сбита с толку, и ей срочно нужно было поведать, как же все на

самом деле, сказать ужасную правду, которую знала только она одна:

– Но это неправда, София! Ей это совсем не понравилось! Когда ты играла, она плакала!

София и Оля смотрели друг на друга ровно одну секунду, а затем рассмеялись.

– Спасибо, Елизавета... – София улыбнулась своему маленькому информатору. – Ты знаешь, Оля была моей учительницей, и я знаю – когда она плачет, это означает, что я выступала по-настоящему хорошо...

– Ох! – Елизавета отошла, но осталась в некоем недоумении: какой странный у взрослых способ показать, что что-то хорошо.

Затем Дана взяла ее за руку и улыбнулась:

– Ну, дорогая, пойдем.

Но прежде чем выйти из комнаты, Елизавета в последний раз обернулась к Софии и с гордостью сказала ей:

– Ну что ж, тогда, надеюсь, однажды и ты будешь много плакать из-за меня! – И, довольная собой, она вышла из гримерки.

София смотрела, как эта полная энтузиазма и воли, упорства и настырности пианистка удалялась от нее. Она напомнила ей саму себя в детстве. «Но вот интересно, совершит ли Елизавета такую же ошибку, когда вырастет? А было ли это действительно ошибкой? В конце концов, никто меня не заставлял это делать. Или я просто ищу оправдания, чтобы

скрыться от правды?» Внезапно София почувствовала, как ее сердце забилося сильнее. Такое с ней случалось иногда ночью – она просыпалась и больше не могла заснуть. Ее настигали тысячи мыслей. Тысячи воспоминаний. Тысячи «а что, если?». В течение дня они дремали, скрытые где-то глубоко за множеством обязательств, заставляя ее поверить, что все наконец-то наладилось. Оля заметила ее потерянную и наблюдала за ней. Но вот снова пришли люди, чтобы попросить автограф или фото, и София очень доброжелательно, с радостью разговаривала с каждым, и та тень, которая упала на ее лицо на мгновение, вдруг исчезла.

Глава третья

София и Оля шли по улице, внимательно следя за тем, куда они ступают. В центре тротуар еще не полностью замерз, так что там было менее опасно. Свет от двойных фонарей падал на снег, окрашивая его в янтарный цвет. Пройдя несколько шагов, София и Оля прошли мимо большого здания с красной крышей и продолжили путь по улице Новожилова мимо двух домов-близнецов, а затем и вдоль всех остальных домов на улице. Дорога была немного наклонена, поэтому Оля слегка покачивалась. София заметила ее неуверенный шаг:

– Осторожнее, не упади!

– Смотри сама не упади!

София рассмеялась:

– А правда, я действительно настолько хорошо играла? Или ты думала о своей стряпне?

– Нет, ты действительно играла просто великолепно. Я была очень тронута. Возможно, последний раз я так себя чувствовала на твоём первом концерте в Риме, когда ты играла...

– Рахманинова.

– Да, Рахманинова, Концерт № 3. Самый сложный. На уроках ты все никак не могла его сыграть, но как будто зациклилась на нем и хотела играть только его. Сначала не

очень веселое аллегро кларнетов, фаготов и виолончелей, а затем, под аккомпанемент струнных инструментов, настала твоя очередь. Два такта, а потом соло фортепиано, пока не началась связующая тема и, наконец, интерлюдия...

– Ты говорила играть мне медленно, в темпе адажио, но я всегда бежала.

– Да, а потом короткая концовка. Та тихая, почти нерешительная мелодия, которую, когда она была написана, кто-то принял за традиционный русский мотив, но Рахманинов объяснил, что она практически написала себя сама. Он имел в виду, что, сочиняя эту мелодию, он думал только о звуке. Он хотел, чтобы пианино пело мелодию так, как если бы ее исполнял певец. И ты хотела это передать. Ты сказала...

– ...перед огромным залом я буду вынуждена играть так, как надо.

Оля на мгновение закрыла глаза и улыбнулась:

– Так оно и случилось. Когда началась тема из трех нот, которую струнные тихонько шептали и которую тут же подхватывали гобой и кларнет, ты вступала с соло, и начиналась эта ностальгическая мелодия. И тогда я заплакала... – Затем она повернулась к ней: – Неужели я так плохо готовлю?

Но ответ услышать она не успела.

– София! София! – К ней подбежал запыхавшийся изящный парень в меховой шапке и темной овчинной шубе. – Мы тебя везде ищем. Мы собираемся всем оркестром выпить, ты хочешь с нами?

София остановилась в нерешительности.

– Давай, пропускать никак нельзя. Клара, Андрис и Раиса тоже пойдут. Долго сидеть не будем, выпьем по одной, это максимум на час. Я отвезу тебя потом домой.

София посмотрела на Олю, которая только пожала плечами, как бы говоря: «Тебе решать».

– Хорошо, я пойду. Но задерживаться допоздна нельзя – у меня завтра урок.

– Хорошо, обещаю, не задержимся. Спасибо, Ольга, скоро я ее верну.

Оля подняла руку:

– Не волнуйтесь, это правильно. Концерт был просто отличный, вы молодцы и заслужили отпраздновать.

Она направилась в сторону дома, стараясь не поскользнуться, а София и Виктор быстро зашагали в противоположном направлении.

Глава четвертая

Блики от освещенного снизу бассейна падали на маленькие кусочки мозаики на стене. Была поздняя ночь, но он все еще не спал. Танкреди сделал глоток коктейля «Бульвардье», который он только что приготовил. Ему нравился этот вариант негрони с виски вместо джина, его теплый, обволакивающий вкус, напоминающий французский «Бэль Эпок». И не только его. В этом бокале было нечто большее. Он делал этот же коктейль для Софии прямо здесь, на этом же месте, в баре на краю этого бассейна. Он рассказал ей, что этот коктейль был изобретен в 1927 году одним из самых легендарных барменов в истории, Гарри Макелхоном, создавшим его для американского писателя Эрскина Гвинна в «Harry's Bar» в Париже.

София с любопытством взглянула на него и, отпив немного, закрыла глаза:

- Очень вкусно.
- Здесь используется бурбон. Он придает ему нотки карамели, дерева и специй.
- Да, я чувствую. Он прекрасен.

Они продолжили пить, болтать, улыбаться друг другу, совсем потеряв счет времени. Волосы Софии, освещенные теми же бликами света, которые теперь рисовали странные фигуры на стене, казались крошечными узорами на возду-

хе. Она о чем-то говорила, но Танкреди не слушал. Он был слишком восхищен звучанием ее голоса и движениями ее рук. Такие изысканные, легкие, они будто танцевали в ночи. Казалось, будто они исполняют самую темноту.

Танкреди допил и поставил бокал на небольшой хрустальный столик, стоявший рядом с плетеным шезлонгом. Странно, как одно-единственное мгновение, какая-то деталь целого дня может вызвать такую мощную бурю воспоминаний, сметающую любую уверенность.

«Иногда, – думал Танкреди, – мне действительно кажется, что у меня получилось, что я спасся и что я могу жить и без нее. Но затем вдруг крошечное воспоминание тянет меня назад, и я оказываюсь погруженным с головой в те короткие дни, которые я провел с ней. И все начинается по новой, опять и опять, каждый раз. Это похоже на бесконечно повторяющийся фильм, которому невнимательный режиссер забыл снять концовку. Концовку, которой мне так не хватает, которая оставляет меня в подвешенном состоянии. Незавершенным. Я скучаю по тебе, София. Я скучаю по всему, что хотел делать вместе с тобой. Я скучаю по тому, каким я был, когда был с тобой, но еще больше я скучаю по тому, каким я мог бы стать».

Танкреди встал. Он подошел к панорамному окну с видом на океан и стал наблюдать за темной водой, которая безмолвно и ритмично, в едином темпе, волновалась снаружи. У всего есть своя музыка. И у любви тоже. Все, что нам нужно, –

это чтобы кто-то сыграл ее для нас и позволил нам ее услышать. Затем Танкреди посмотрел на небо и стал разглядывать несколько созвездий. «Интересно, видит ли она их тоже?» И ему тут же стало стыдно за эту мысль — словно он какой-то подросток. Но ему очень нравилось это чувство, которое он никогда раньше в своей жизни не испытывал.

Глава пятая

Часть одного старинного здания на Строительной улице переоборудовали под бар. Вековая конструкция, стены, покрытые темно-красными гобеленами, старые трофеи в виде медвежьих голов и рогов лосей, на которых устроили охоту в какие-то незапамятные времена, – все это украшало интерьер «Русского бриллианта». Это своего рода подпольное и очень эксклюзивное заведение, которое посещали только те, кто находился в самом сердце ночной жизни этого города. Даже найти вход – задача из непростых, поскольку он был скрыт на заднем дворе кухни старинного поместья. Чтобы войти, нужно было пройти сквозь красную занавеску, а после, у самого входа, вас ждал строгий фейсконтроль. Но внутри атмосфера была настолько впечатляющей, что любые усилия стоят того, чтобы все-таки попасть внутрь. А к тому же коктейли, которые готовил Устин, были невероятно вкусными. Виктор и София вошли в помещение и, сразу же закрыв за собой дверь, потерли руки, стряхнули с одежды снег, стараясь как можно быстрее убрать оставшиеся на них градусы ниже нуля, которые они притащили снаружи. Затем они огляделись. В колонках играла «Money for Nothing» Dire Straits в версии Марка Нопфлера, Эрика Клэптона, Стинга и Фила Коллинза. Кто-то танцевал под эту музыку, разливая вокруг себя водку, кто-то отбивал ритм стаканом про-

стого апельсинового сока. Какая-то девушка пила капучино, а один камикадзе решился на «Асахи».

София отметила:

– Да здесь, похоже, подают все подряд.

– Что? – переспросил Виктор.

– Нет, ничего, ничего...

«На самом деле, ничего удивительного, что он этого не заметил, – подумала София, – с такими скрипачами, как он, это часто случается».

– Сегодня ужасно холодно.

– Ага.

– Так что давай выпьем чего-нибудь как можно скорее, чтобы согреться.

Они стали бродить по залам в поисках своих коллег. Наконец они дошли и до последней комнаты.

– Да где же они?

– Кто?

– Ребята из оркестра, Клара, Раиса и все остальные.

Виктор остановился у последнего столика и улыбнулся ей:

– Не знаю, похоже, они пошли спать. Не понимают, видимо, что красоту музыки... нужно отпраздновать! Давай сядем тут.

Они сели за столик, а затем София покачала головой:

– Не могу поверить, что ты так меня обманул.

– Если бы там не было гестапо, я бы тебе все сказал, как есть, но перед генеральшей КГБ я на это не решился.

– Неужели моя милая Оля кажется тебе такой суровой?

– Милая кто? Она же настоящий подполковник, а ты ее флаг, ее родина, которую она должна защищать от иностранцев.

– И от кого же это?

– От любого мужчины, который подходит к тебе.

– Серьезно, ты так это видишь?

– Все так говорят.

– Кто все?

– Каждый, кто умеет играть на музыкальных инструментах, знает ее, а значит, знает и тебя. Все тебя любят, все мечтают о тебе, все тебя хотят, но в той же степени, насколько боятся ее.

– Да что ты! – София рассмеялась. – Это уже перебор...

– Клянусь тебе.

Виктор положил правую руку себе на сердце.

София улыбнулась.

– Слушай, после всего твоего вранья о том, что меня тут все ждут, все меня ищут, что я никак не должна такое пропустить, что было бы величайшим позором не пойти выпить с ребятами из оркестра, я поняла, что ты просто лжец. И я больше никогда не поверю ни одному твоему уверению.

– Клянусь!

– Ничего твои обещания не стоят...

Виктор встал на колени:

– Молю тебя.

София рассмеялась:

– И молитв твоих не надо! Слушай, я просто тебе не верю. Сходи принеси мне выпить. Хоть немного развеюсь от твоего ужасного поведения.

Виктор встал:

– Конечно, моя королева. Все что пожелаешь!

– О нет, только не «моя королева», меня так зовет Дмитрий Останов.

– О нет, какой ужас... Я действительно опустился на самое дно.

– Я бы сказала, даже глубже.

– Моя обожаемая принцесса?

София сделала вид, что некоторое время думала.

– Не думаю, что кто-нибудь так меня когда-либо называл, по крайней мере, сегодня вечером...

Виктор свистнул и сделал вид, что вытер пот со лба:

– Подходит, слава богу. Чего тебе принести, моя обожаемая принцесса?

– Ну, удиви меня. – София прикинулась высокомерной, утонченной и исключительно требовательной. – Но знай, что твоя жизнь зависит от твоего выбора, от того, какой коктейль ты мне принесешь.

– Что?

– Да. Либо ты будешь жить долго и счастливо, либо будешь расстрелян взводом «Ольга».

Виктор сделал вид, что не может найти себе места.

– Тогда у меня нет права на ошибку. – И он отошел к ближайшей стойке.

София осталась одна и наконец может немного расслабиться. «Но в целом да, это правильно. Мне нужно спокойно выдохнуть после той энергии, которую я вложила в этот концерт. С другой стороны, если я смогла заставить плакать даже взвод „Ольга“, значит, я действительно была хороша!»

Вскоре Виктор вернулся обратно. Он ставит свой стакан на стол, а стакан Софии прячет за спиной.

– Готова? Давай поиграем в игру: ты закрываешь глаза, я протягиваю тебе стакан, ты отпиваешь из него, а затем если угадываешь, что я принес, то получаешь одно желание, и я сделаю все, что ты захочешь. А если ты ошибешься, то желание будет у меня, и ты сделаешь все, что я тебя попрошу...

София на мгновение задумалась. «Ставки довольно высоки. Если я проиграю, то мне бы не хотелось исполнять его желание, а спросить, чего он хочет, я конечно же не могу...»

– Но тогда одно условие: коктейль, который ты мне принес, должен быть известный, а иначе пари недействительно.

Виктор смело улыбнулся:

– Конечно, за кого ты меня принимаешь? Думаешь, я аферист?

– Я даже уверена в этом. Но ладно, согласна. Давай сюда.

София закрыла глаза. Ее уверенность подкреплялась тем фактом, что какое-то время своей жизни, когда она еще жила на Сицилии и училась в консерватории, ей довелось ра-

ботать в баре, чтобы заработать на оплату счетов. Владелец, Альфредо, который был без ума от нее, провел ей целый курс – научил делать коктейли и правильно подавать их. Так что они часто играли в ту же самую игру. Возможно, Альфредо надеялся таким образом получить легальное разрешение на то, чтобы напоить ее и заполучить поцелуй от жесткой Софии. Поцелуй, однако, так и не состоялся, а однажды вечером у Альфредо, так напрасно напоившего ее огромным количеством коктейлей, отобрали лицензию.

София взяла стакан и начала пить. Она медленно сделала несколько небольших глотков, не открывая глаз. Но Виктор, не доверяющий ей, обошел ее сзади и для верности прикрыл ей глаза ладонями. София от неожиданности подпрыгнула.

– Если ты будешь подсматривать, то не считается.

– Я-то не обманщица.

София продолжила пить маленькими глотками, пытаясь распробовать коктейль полностью и уловить различные нотки вкуса. Вдруг она поняла, что знает ответ. Про себя она размышляла: «Итак, здесь точно есть персик, алкоголь и мороженое. Скорее всего, это „Peach Fashioned“. – Она отпила снова. – Так, нет, в нем еще есть померанец, который слегка отдает горечью, и бурбон, довольно крепкий ликер, а этот коктейль очень мягкий. Поняла, это „Бренди-Роза“. Если не ошибаюсь, он состоит из бренди, персикового мороженого и персика».

Она попробовала его еще раз и улыбнулась. Да, это дол-

жен быть он. Она уже собиралась дать окончательный ответ, как вдруг остановила себя: «Погоди-ка...» Она вспомнила слова Альфредо: «Женщины обычно не любят слишком крепкие напитки, поэтому лучше для них готовить коктейль на основе брюта, просекко или, лучше всего и если это возможно, шампанского».

«Точно! Это не бренди, это шампанское, поэтому он такой мягкий. И это не мороженое, а гренадин», – София улыбнулась и сделала большой глоток. И вот теперь она наконец решила дать свой окончательный ответ:

– Прекрасный «Беллини»! Действительно, очень вкусный.

Виктор убрал ладони, закрывавшие ее глаза, и сел напротив нее с понурым выражением лица:

– Как ты это сделала?

– Очень просто. Ты хотел взять нечто изысканное, утонченное, что бы понравилось мне и помогло бы тебе избежать встречи со взводом «Ольга». Так что ты выбрал самый безопасный путь. «Беллини» – это классика. Себя-то ты, конечно, спас, но и желание твое сгорело, а вот я теперь могу пожелать что угодно! – София взглянула на него с улыбкой. – Я выиграла, не так ли? Я угадала. Надеюсь, ты не из тех, кто увиливает от исполнения обещанного?!

– Конечно нет, я сделаю все, что скажешь.

Виктор сделал еще один глоток пива. «Я облажался. Надо было выбрать один тех коктейлей вроде „Май Тай“ или „Дадаумпа“. Они знаменитые и официальные, но она бы ни-

когда их не угадала, – думал Виктор, – а я выиграл бы свою ставку».

– Готов?

– К чему?

– Платить долг.

– Здесь?

– Да.

Глава шестая

Виктор недоверчиво посмотрел на нее. Она ведь не могла попросить его об этом, всего лишь об этом... Даже он не знал, что в «Русском бриллианте» есть пианино, а она-то откуда?

София села на табурет, откинула юбку, а затем, вовсю веселясь, закатала рукава теплого, обнимающего ее синего шерстяного платья, которое она надела после концерта. Она закатала их до предплечья, как самый матерый дальнбойщик, и подмигнула Виктору:

– Я начну, а ты подхватывай!

И вдруг она начала играть «Honky Tonk Train Blues», и ноты буги-вуги сразу же разнеслись по клубу, привлекая всеобщее внимание. София играла с таким энтузиазмом и энергией, что это совершенно сбило Виктора с толку: скрипка лежала на его плече, а смычок вяло пытался нагнать темп. Он постукивал правой ногой, чтобы попасть в ритм мелодии. Но из-за толстого свитера, казавшегося ему сейчас изобретением дьявола, капли пота стекали по его лбу и терялись в короткой бородке. Кажется, будто бы все было против него. Он старался изо всех сил, но пальцы Софии продолжают все быстрее бежать по клавиатуре. Время от времени она замедлялась, весело улыбалась ему, покачивала головой, чтобы настроиться на один с ним темп. Людям вокруг, похоже, все это

действительно очень нравилось. Кто-то достал гитару, кто-то – тамбурин, а другие отбивали ритм стаканом и вообще всем, что было способно издавать хоть какой-нибудь звук. Кто-то просто начал шуметь, что, по мнению Виктора, было совсем ужасно. А в итоге у них получился целый импровизированный оркестр, в котором принимали участие все оказавшиеся в баре. Кто-то узнал мелодию и начал петь. Виктору было тяжело, но он не сдавался и продолжал играть с невозмутимым видом. Закончил он исполнение последним аккордом – самым скверно сыгранным в его жизни, – в то время как София проскользила по всем восьмидесяти восьми клавишам и закончила «Honky Tonk Train Blues» лучше, чем сам Кит Эмерсон.

Люди заплодировали им обоим, устроившим такое шоу. Их поздравляли и говорили им, что они – лучшая пара этого вечера.

София рассмеялась:

– А у нас есть будущее!

Даже Виктор, преодолев растерянность, наконец смог получить немного удовольствия.

– Ага... И какой у нас получился дуэт!

Получив огромное количество комплиментов, они вернулись за свой столик.

София посмотрела на большие часы на стене:

– Пора идти.

– Да, уже поздно.

Они надели пальто и вышли из клуба.

– Ужасно холодно...

– Да, это точно.

К счастью, Виктор заметил, что мимо проезжало такси, и остановил его на ходу.

– Нам повезло.

– Потому что у нас все получилось?

София засмеялась:

– Да нет, я про такси!

Виктор кивнул:

– Да, для тебя все словно шутка... А я даже не думал, что у меня получится. Понимаешь, я думал, что запнусь. Я ведь никогда не играл без очков.

– У тебя хорошо получалось за мной успевать.

– Ты думаешь? Вначале так себе было...

– Да, но после того, как музыка тебя захватила, все получилось.

Виктор посмотрел на нее. Как сильно он хотел бы заключить ее сейчас в свои объятия, чтобы выбросить еще не унявшийся адреналин. А может, это все выпитое пиво, которое делало ее еще более желанной.

– Да, потом стало лучше.

Такси остановилось у дома Оли.

София озорно посмотрела на него:

– А ты бы чего пожелал?

Виктору очень хотелось сказать ей правду.

София настаивала:

– Да ладно тебе, скажи, что я должна была бы сделать, если бы ты выиграл пари?

Виктор решил свести степень своего желания к самому минимуму:

– Сходить со мной поужинать.

София пожала плечами и рассмеялась:

– И всего-то? – Она вышла из такси. – Ты так хорошо импровизировал, что заслужил это. Может, завтра вечером?

Виктор не поверил своим ушам. Завтра ему нужно было проделать много подготовительной работы перед гастролями, но он понимал, что второго шанса может и не быть.

София заметила его секундную неуверенность:

– Может, вместо ужина ты предпочтешь снова сыграть в «Бриллианте»?

Виктор засмеялся:

– Завтрашний вечер отлично подходит. Я заеду за тобой в половине девятого.

– У меня урок вечером, давай встретимся в девять. – И не дожидаясь, когда он ответит, она вошла в подъезд.

Глава седьмая

София открыла дверь квартиры, стараясь не шуметь, затем закрыла ее за собой и прислонилась к ней спиной. В полумраке квартира на улице Никифорова выглядела очень красиво. Она находилась практически напротив ресторана «Небесный замок», где пару раз София и Оля ужинали. Свет уличных фонарей снаружи проникал сквозь неплотно закрытые тяжелые занавески и освещал ту часть гостиной, где стояло пианино с большим книжным шкафом за ним. Все остальное скрыто в темноте. Ей очень понравился этот вечер. Она была счастлива находиться здесь, в Первомайском районе, где родилась ее вечная учительница Оля. Москва была слишком... слишком обыкновенной, вот и все. Это был Рим, только немного холоднее. Это было ее прошлое, ее жизнь, и она не хотела иметь с этим никаких дел. Поэтому они с Олей переехали сюда. Ей нравилось все: дома, универсамы, два газетных киоска, которые постоянно конкурировали друг с другом, спокойное уличное движение, здания в центре и на окраинах. А еще здесь были концертный зал, ее юные ученики, Елизавета, у которой было многообещающее будущее великой пианистки. И еще тут был Виктор. Виктор – интересный, красивый, он хорошо играет. Конечно, может быть, в «Honky Tonk Train Blues» он мог бы постараться и посильнее. Но зато у него симпатичная улыбка,

красивые глаза, красивые руки, он милый, остроумный, галантный.

София улыбнулась про себя. «Может быть, это восемь месяцев воздержания заставляют тебя так думать? Почему никто не признает, что мы, женщины, тоже часто горим от желания? Если женщина хочет заниматься любовью, то это почему-то плохо. Что ж, – подумала София, – будет лучше, если я сделаю себе травяной чай. Об этом подумаю завтра». В конце концов, завтра будет новый день. Она улыбнулась, думая о Скарлетт О'Хара, которая так сильно верила в завтрашний день. Затем на ум ей пришла Орнелла Ванони, и она стала напевать себе под нос: «Завтра будет другой день, посмотрим, что произойдет».

София включила свет и подпрыгнула от страха:

– О боже! У меня чуть инфаркт не случился! Ты что здесь делаешь?

За столом сидела Оля, которую она в темноте не разглядела.

– Я ждала тебя.

– Не нужно было, я ведь уже взрослая, знаю, как найти дорогу домой.

– И знаешь, как ее потерять.

София решила не обращать внимания на эти слова:

– Будешь травяной чай? Я хочу заварить себе.

– Да, спасибо.

София налила воду в чайник, подожгла конфорку, обошла

кухню, взяла чашки, блюда, достала печенье, масло, сахар, две салфетки и положила все это на небольшой столик из массивного дерева, стоящий в центре кухни. Она открыла дверцу небольшого резного шкафчика над холодильником:

– Какой чай ты будешь?

– А какие есть?

– С антиоксидантами, очищающий, расслабляющий, для похудения, с фенхелем и ягодами. – Она с улыбкой повернулась к Оле. – Есть на любой вкус.

– Тот, который будешь ты.

– Хорошо.

Вскоре они уже сидели друг напротив друга. София опустила пакетик чая из лесных ягод в чайник, а затем разлила заварившийся чай по чашкам.

Она подвинула сахар ближе к Оле, а сама взяла печенье с маслом:

– Это песочное печенье от Walkers просто восхитительно. – И она откусила от него кусочек, повертев упаковку в руках. – А еще вот то традиционное шотландское печенье в форме квадратиков. Не могу устоять, съем их все.

– А стоило бы сдержаться. Как погуляла? Хорошо провели время с коллегами?

София сделала глоток травяного чая и поставила чашку на блюдо:

– Их не было, Виктор все придумал. Мы были вдвоем.

Оля на мгновение закрыла глаза и слегка улыбнулась, а

затем снова стала серьезной:

– Тебе комфортно здесь, в Первомайском районе?

– Очень. Мне здесь все нравится. Я как раз об этом только что думала.

– И Виктор тебе тоже нравится?

София подняла взгляд на Олю.

Две женщины некоторое время смотрели друг на друга, а затем Оля нарушила молчание:

– Я часто замечала, как вы вместе шутите и веселитесь во время репетиций.

– Seriously? А мне кажется, я со всеми понемногу шучу...

– С ним в особенности.

София осторожно отпила горячего чая. Оля медленно помешала ложечкой.

– Ты знаешь, что всегда говорил мне мой дедушка? Когда шутишь с мужчиной, который заставляет тебя смеяться, продолжай, и тогда, возможно, ты выйдешь за него замуж. В случае же если ты замужем, прекращай сразу, а иначе в какой-то момент станет слишком поздно. Разве что если ты не хочешь выйти замуж второй раз.

– Твой дедушка был очень милым.

– Очень. Но женился он только один раз.

– У него все вышло хорошо.

– Нет. Он шутил исключительно и только с моей бабушкой. – Оля встала. – Ну, я иду спать. Сколько ты уже не разговаривала с мужем?

– Ровно с тех пор, как приехала сюда восемь месяцев назад. Мы обменялись всего парочкой сообщений. И мы сами выбрали этот путь.

– А Танкреди?

– У меня нет ни номера Танкреди, ни его электронной почты... ничего. Даже если бы я захотела, я не знаю, как с ним связаться.

Оля кивнула:

– Хорошо. Пожалуй, нам не помешало бы навести порядок и решить, что делать в ближайшие годы.

– А чего ты хочешь?

– Я хочу того, чего хочешь ты. Я не буду скрывать, что хотела бы ездить с тобой на концерты по всему миру, но не могу не напомнить тебе также, что у тебя есть муж, который, как бы это сказать... находится в подвешенном состоянии.

София начала раздражаться:

– Не понимаю, почему нам, женщинам, не разрешается заниматься сексом.

– При чем тут это?

– Ни при чем, но если вдруг мы начинаем проявлять подобного рода интерес, нам говорят, что мы шлюхи. Большинству женщин нравится заниматься сексом, но им приходится делать вид, что это не так.

Оля поняла, что все оказалось сложнее, чем она думала.

– У нас, женщин, есть нечто большее, чем у мужчин, то, что делает нас уникальными, особенными, – это ребенок.

Мне не повезло, но я встретила тебя, когда тебе было всего шесть лет. Ты стала моим ребенком. Думаю, что было бы еще прекраснее, особеннее мне самой привести тебя в этот мир, но я уже так сильно люблю тебя, что не могу представить, как-ково это – иметь другого ребенка и быть для него матерью... И никогда уже не узнаю. Но не ты. Ты все еще можешь это сделать, у тебя впереди вся жизнь, чтобы стать совершенной.

– Чтобы стать совершенной?

– Женщина совершенна в тот момент, когда рождает ребенка. Именно тогда происходит, сотворяется чудо. Я считаю, что это самая прекрасная вещь на свете. Гораздо прекраснее, чем умение играть все когда-либо созданные симфонии одновременно. – София молчала. Оля подошла и погладила ее: – Прости, я увлеклась. Мне так хотелось быть матерью, так что я бы не хотела, чтобы с тобой произошло то же, что и со мной. Однажды я читала сценарий о жизни художника Антонио Лигабуэ. Он собирался нарисовать женщину, но вдруг остановился, посмотрел на свою модель и сказал ей: «Вы ждете ребенка». – «Откуда ты знаешь?» – ответила ему удивленная женщина. «Свет твоей красоты говорит мне об этом». Он был безумным художником, но он знал, как увидеть этот свет. – Затем Оля направилась по коридору в спальню, но прежде чем выйти из кухни, она обернулась и улыбнулась Софии: – Ой, совсем забыла... Тебе передают привет Клара и Раиса. Я встретила их по дороге домой. Они вместе с другими оркестрантами шли в пиццерию.

Глава восьмая

Танкреди достал маску, трубку и ласты из шкафчика в раздевалке. Он уже надел купальный костюм и взял большое полотенце. Сегодня солнце не слишком жаркое, а температура просто идеальна. Чуть позже он погрузился в синеву океана. Его яркий оранжевый поплавок остался на поверхности, а сам Танкреди опустился под воду, коротко перебирая ногами по дну. Ему действительно нужно было заблудиться. Медленно он плыл вдоль берега. Практически сразу его окружили разноцветные рыбки-трубочки, с любопытством рассматривающие его со всех сторон, и несколько морских коньков. Неподалеку степенно двигалась большая черепаха. Танкреди ушел на глубину. Какое-то время он плыл рядом с ней, а затем вернулся, чтобы убрать из трубки воду. Он двигался по самой поверхности, продолжая разглядывать все, что происходило внизу. Каждый раз, когда море окатывало его водой, он чувствовал себя немного лучше. На несколько минут ему казалось, будто он спокоен, будто он сможет жить вот так, вполонину. Но это всего лишь иллюзия, которая длилась до тех пор, пока мимо не проплывала какая-нибудь прекрасная тропическая рыба. Жить вполонину невозможно после того, как испытываешь чувство целостности, единения с другим человеком. Тебе всегда будет не хватать этой другой части. «В конце концов родственные души встретят-

ся, ведь у них только одно убежище на двоих», – писал Роберт Браулт. Это выражение никогда не оставляло его мысли.

«Мы прячемся, София. А может, мы просто ждем, когда кто-то из нас найдет другого, словно в детских играх. Ведь ты – замок, к которому подходит мой ключ, а у тебя есть ключ, открывающий мои замки. Это так. И я ничего не могу с этим поделать».

Чуть позже он вышел к большому шезлонгу на берегу и вытерся. «Возможно ли, что я больше никогда не встречу такую женщину, как она? Неужели она настолько уникальна? Почему я не вижу никаких альтернатив? Когда кто-то, кого ты очень любишь, оставляет тебя, единственный способ сохранить ему верность – это остаться одному. Я верю в это. Любая женщина, с которой я встречусь, будет предательством моего к ней чувства. Даже когда ее нет рядом, она занимает все мои мысли».

Танкреди поднялся, взял полотенце и направился к вилле. Он вновь прошел весь маршрут, идущий вдоль берега, до другого конца острова. Волны накатывали на песок и тут же убегали обратно. Как мимолетный поцелуй. Море все время целует пески, хотя те каждый раз отвергают его. Но море это не волнуется, оно будет делать это вечно. «Как и я». И он вспоминает тот день и то, что случилось прямо там, на том месте, где он стоял.

На столе, покрытом серовато-бежевой скатертью и уставленном стаканами и столовыми приборами того же цвета, стояли корзины со свежими фруктами: тут были плоды хлебного дерева, кокосы, манго, бананы, папайя, гуава, авокадо, маракуйя, дыни, джекфрут, яванские яблоки, анноны, карамбола, ананас, апельсины и грейпфрут. Все это выглядело словно тропическая радуга.

В нескольких кувшинах рядом со стаканами были налиты фруктовые соки и вода. Рядом в маленькой корзинке из белого хлопка лежало немного цельнозернового хлеба, несколько тостов и более мелкие, мягкие и белые булочки, стояли кувшин с молоком, термос с горячим кофе, блюдце с маслом и баночки с разными джемами.

Светлые и легкие занавески танцевали вместе с утренним ветерком. Танкреди и София сидели напротив друг друга, они улыбались друг другу, пока он наливал ей морковно-имбирный сок.

– Спасибо.

София выпила сок, а затем намазала немного масла на ломтик хлеба. Сверху она добавила ягодного джема.

Танкреди взял кофе, капнул в него немного молока и стал пить.

– Я хочу прогуляться, а ты как?

– Давай, – ответила София.

Вскоре после того, как они оказались на берегу, солнце

поднялось высоко, и отражения на воде стали казаться множеством маленьких сияющих зеркал. Поднялся ветер. Море разволновалось. Танкреди остановился. Сейчас. Он разбежался, ударил воду ногой, и тысяча крошечных капель поднялись в воздух, окатив пытающуюся увернуться Софию.

– Эй! – София рассмеялась и в свою очередь тоже ударила по воде, полностью обрызгав Танкреди.

Мгновение спустя они бежали друг за дружкой, пока он не догнал ее. Он схватил ее за бедра и притянул к себе. София обернулась и посмотрела на него.

– Вот... это... – сказал Танкреди.

– Что?

– Это. Быть легкими. – София молчала. Танкреди продолжил: – Просто проживать момент, не думая ни о чем другом, глядя друг на друга без какой-либо надобности в поцелуе или чем-то другом, быть такими... и чувствовать себя хорошо. Такого у меня не было уже давно.

– Однажды я прочитала фразу, которую запомнила навсегда. Ангелы летают потому, что они легко относятся к себе. – И София продолжила идти перед ним.

Танкреди улыбнулся:

– Мне нравится.

– Фраза?

– Как я себя чувствую с тобой.

София больше ничего не сказала. Он немного ускорил шаг и нагнал ее.

– Тебе нужно посмотреть фильмы о счастье, – сказала София.

– Хорошо. Не знал, что ты еще и кинокритик. Что ж, с чего мне начать?

– Например, «Лучше не бывает». У Мелвина, главного героя, такой же дурной характер, как у тебя. Его играет Джек Николсон. Он писатель сентиментальных романов, одержимый всем подряд и страдающий аллергией на любые контакты с людьми.

– Но я не такой.

– Действительно... Ты ведь не пишешь книги!

– Да нет, не такой уж я и невыносимый...

– Такой-такой, – рассмеялась София. – В общем, потом он встречается Кэрол, сначала они постоянно ругаются и совсем не понимают друг друга, но в конце концов он влюбляется и находит счастье в том, что разделяет с ней свою жизнь.

– Что ж, это мне по душе. Тогда действительно я похож на него.

София посмотрела на него:

– Значит, что-то изменилось?

– Да, кое-что изменилось.

И они продолжили идти дальше вдоль берега, время от времени, словно настоящая парочка, тыкая друг друга в бок, как будто встречались уже сто лет, любят друг друга и постоянно подшучивают друг над другом. С легкостью.

А сейчас он все еще на том же самом острове, в тишине, опять и опять пытался отыграть это воспоминание, настолько сильное и явственное, что ему казалось, будто вот сейчас он обернется и София окажется рядом. Казалось, что прелесть всех этих мгновений была с ним еще вчера.

Бывают вещи настолько хорошие или настолько плохие, что их невозможно забыть. Иногда эти вещи просты, несущественны для кого-то, но для тебя одного они значат весь мир. Возможно, рядом с ними даже более серьезные вещи забываются, а те остаются и по какой-то странной причине сопровождают тебя на протяжении всей жизни. И избавиться от них не представляется возможным.

Глава девятая

День проходил спокойно. София была безмятежна, она смеялась и шутила во время уроков со своими учениками. Елизавета даже попробовала сыграть отрывок из ее вчерашнего концерта.

– Так, ты сильно торопишь события. Тебе пока еще рано такое играть – для тебя слишком сложно.

– Но прости, ты же это играла. А я такая же, как ты, правда?

В этот момент зашла Оля, которая, услышав ее слова, не смогла промолчать:

– Вот как замечательно... Еще одна... София номер два!

Елизавета сидела за фортепиано и с любопытством рассматривала эту даму, надеясь, что хоть на этот раз она не расплачется.

– Доброе утро! – сказали ей девочки хором.

София улыбнулась Елизавете:

– Ну ладно, беги к маме, на сегодня мы закончили.

Елизавета выбежала из класса.

София взяла свое пальто:

– Какая честь! Какими судьбами?

– Твой замечательный концерт убедил меня вернуться в школу после трехлетнего перерыва в преподавании. Пойдем обедать вместе или у тебя еще есть дела? – спросила Оля.

– Нет, нет, я свободна.

Оля облегченно выдохнула:

– Слава богу, а то я думала, он больше тебя не отпустит.

– Виктор? Действительно... – улыбнулась София, надевая пальто. – Сегодня мы опять с ним встречаемся.

И она вышла из класса, весело глядя на нее.

Оля сразу за ней:

– Этого никак нельзя избежать?

– Давай просто пойдем поедим.

– Вы ведь уже сходили на свидание, на которое он заманил тебя такой хитростью...

София удивленно обернулась:

– *И что?* А при чем тут это?

– А при том... Ты как будто дала ему разрешение на ложь, ты развязываешь ему руки и соучаствуешь в преступлении.

– Брось, Оля! Ты преувеличиваешь. Мы были в пабе не одни, там была куча народу! Нам было весело, мы даже сыграли вместе...

– Сыграли?

– Да, песню из заставки программы, которую я недавно посмотрела. Она называется «Одеон», это точная копия программы 70-х годов, может, ты видела оригинал, когда его показывали по телевизору.

– Хочешь сказать, что я старая?

– Когда ведешь себя так, то да.

– Так что вы играли?

– «Honky Tonk Train Blues» Кита Эмерсона.

– Ни разу не слышала.

– Теперь понимаешь? Ты старая.

Они вошли в большую столовую концертного зала. Хотя Оля и не работала здесь уже какое-то время, некоторые заметившие ее люди приветливо улыбались ей. Затем она передала Софии листочек бумаги:

– Вот, старушка взяла тебе талон на питание.

– Не такая уж ты и старая, раз вспомнила об этом!

Они встали в очередь. В столовой обедали женщины, девушки, мужчины – самые разные люди, которые работали в этом большом центре, который назывался «Редакция». Здесь находились радио, местное телевидение и, конечно, концертный зал и музыкальная школа для детей. София взяла поднос и передала его Оле. Они положили на него столовые приборы, небольшие ломтики нарезного батона в целлофановом пакетике и салфетки, поставили стаканы.

– Кроме шуток, – Оля была всерьез обеспокоена, – тебе не кажется, что ты позволяешь ему слишком много? Вводишь его в заблуждение...

София начала раздражаться. Уже даже нельзя пофлиртовать немного? Повеселиться, отвлечься. Но она понимала, что Оля была с ней не на одной волне, поэтому постаралась ответить ей вежливо:

– Да нет, не волнуйся, все в порядке. Он просто мне более-менее приятен и относится ко мне чуть лучше, чем все

остальные, вот и все.

– Он и заинтересован сильнее других.

– Возможно, но так ли это важно? Мы пока еще не собираемся в отпуск и не начинаем новую жизнь в другом городе. Мы просто идем поужинать. Это всего лишь ужин. Все на свете ходят ужинать, так что не о чем так беспокоиться.

Между тем очередь продвигалась вперед. София и Оля, стоя бок о бок, начали накладывать себе еды – они поставили на поднос мясное ассорти и голубцы. Затем Оля взяла пельмени, а София – блины со сметаной и лососем.

– Все на свете меня не волнуют, – сказала Оля. – У меня есть ты, и я забочусь о тебе.

«Верно, – подумала София. – Об этом я не подумала. У нее ведь есть только я».

Оля ей улыбнулась:

– Я не даю себя отвлечь. И шучу только с тобой.

– И ругаешь ты только меня...

– Ты права, прости.

После этого ее спокойствие, кажется, вернулось обратно. Они молча продолжили двигаться в очереди. Оля выбрала суп с фрикадельками и клецками, а София взяла пирожки – ей нравились с говядиной. Они решили не брать десерт, потому что любимой Софией яблочной пастилы нет. Взяв две бутылки воды, они сели и начали, не торопясь, есть. Оля отправила в рот первую ложку и медленно жевала.

– Надо сказать, готовят они все еще очень хорошо, точно

так же, как и раньше. Только вся посуда в ужасном состоянии, посмотри, она поломана. Все старое.

Они обсудили студентов и разных хороших музыкантов, но Виктора Урасова больше никто из них не упоминал.

Оля провела с Софией весь день. В пять, закончив уроки, София закрыла дверь кабинета. В тот же момент Оля поставила партитуру на фортепиано:

– Весь день я себе это представляла. Хочу услышать, как ты играешь его еще раз.

– Петр Ильич Чайковский, Концерт для фортепиано с оркестром № 1 си-бемоль минор, сочинение 23. Ты, похоже, действительно решила меня наказать. Я так понимаю, ты выбрала такую тактику – вымотать меня до бессилия, чтобы вечером я никуда не пошла. Но я на это не куплюсь. – София приподняла бровь.

Оля искренне рассмеялась:

– Да нет, я просто хочу послушать что-нибудь сильное.

София прокрутила табуретку, поправила ноты и начала играть. На следующие полчаса Оля вновь стала ребенком, она вспомнила, как мама и бабушка водили ее на уроки фортепиано. Она вспомнила старые дороги, лошадей, которые ходили взад и вперед, возя в основном пищу. И церковь Святого Варлаама Печерского, где она впервые сыграла и от которой сегодня остались лишь руины. Затем ее приезд в Москву, поступление в консерваторию, занятия у очень строгого профессора Воробьева и своих однокурсниц

– Клавдию и Людмилу. А у дверей – мальчик с улыбкой, которую она никогда не забудет, Радослав, он-то привез ее в Италию. София же в это время продолжала играть это завораживающее произведение, сложное для исполнения, потому что оно требовало от солиста безупречной техники, виртуозности и физической выносливости. Это произведение было козырем в репертуаре самых успешных пианистов, и прежде всего – Владимира Горовица, который триумфально дебютировал с ним в США в Карнеги-холле под руководством дирижера, а по совместительству своего тестя Артуро Тосканини. Эти звуки перенесли Олю в тот год, когда она стала учительницей, в тот момент, как она в первый день вошла в класс и увидела своих первых учеников, среди которых была и маленькая София – самая красивая, самая милая и в то же время самая суровая и самая упрямая. Когда София дошла до третьей части, *Allegro con fuoco* си-бемоль мажор, до Русского танца в неистовом танцевальном ритме, в котором многоцветная виртуозность пианиста может раскрыться в полной мере, Оля вдруг вспомнила ее в детстве, в светлом ажурном хлопковом платье и в рубашке из белого шелка, которую она выбрала самостоятельно с большой тщательностью, чтобы произвести впечатление на учителя. Хотя, конечно, в этом не было никакой необходимости. Достаточно было услышать, как она играет.

– Как я сыграла?

– Очень хорошо, несмотря даже на то, что, перелистывая

к четвертой странице, ты немного сбавила скорость, сыграла где-то на восьмушку больше.

– Неправда, эта восьмая тут написана.

Оля постаралась сделать так, чтобы София ничего не заметила; она отвернулась, достала из сумки платок и быстро вытерла глаза:

– Ты права, эта восьмая действительно на месте, от тебя ничего не скроется.

София рассмеялась.

– Ничего, совершенно ничего! И мне кажется, что у тебя аллергия на мою игру. Не всерьез же ты снова плачешь!

Глава десятая

Вернувшись домой, София начала с безумством прибираться. На кухне она достала все: стаканы из буфета, затем тарелки, подносы, чашки, блюда – нервно вытерла их, потом протерла влажной тряпкой. Затем она поняла, что полки книжного шкафа тоже немного пыльные, прошла еще раз с тряпкой, осмотрела все на свету и убедилась, что теперь все чисто. Она достала из шкафа несколько бутылок вина, протерла их, поправила картину, поставила лампу, взяла со стола несколько газет и журналов, сложила два чистых полотенца и убрала их в ящик тумбочки под телевизором. Она с невероятной точностью расставила все по своим местам, что как-либо сдвигала с места на время уборки. А затем она перешла к шкафам. Она доставала кофты и бросала их на кровать; она решила навсегда отказаться от светло-зеленого свитера, в котором было полно круглых дырочек, и коричневого тоже, хотя и целого, но ни разу не надетого просто потому, что он ей никогда не нравился. Затем она разобрала и прибрала ящики со своим нижним бельем, носками, привела в порядок ночнушки, шарфы, перчатки. И точно так же она выбросила всю ту одежду, которую никогда не носила или которую носила слишком часто, так что та уже практически изнасилась. Она улыбнулась. Где-то она прочитала, что большинство женщин носят менее половины приобретенной

ими одежды, в то время как то же самое верно только для каждого пятого мужчины. «Но зачем я все это делаю? Потому что нервничаю. Потому что это мое первое свидание за восемь месяцев. Потому что больше я не хочу никаких свиданий, но в то же время не хочу, чтобы Оля победила. И вообще, я просто хочу отвлечься, вот и все... А может, я снова хочу почувствовать себя женщиной? Мне кажется, будто я вся грязная... словно запылилась». И действительно, в эту секунду она чихнула, поэтому решила отправиться в душ. Однако войдя в ванную и бросив взгляд на часы, она поняла, что ей нужно поторопиться. Было уже восемь часов – Виктор будет буквально через час. Виктор – тихий скрипач, Виктор – красавец, милый, внимательный, веселый Виктор, но не во всем такой очевидный.

Об этом она также рассказала днем Оле:

– И все же в Викторе есть что-то, что ускользает от меня...

– Что это, интересно? Он хочет переспать с тобой, это и так понятно.

– Ну что ты, не говори так, все у тебя мысли какие-то земные.

– Или матрасные...

София отправила ее к черту:

– Ты либо считаешь, что я невероятно красива, либо, что еще хуже, что повсюду одно зло и грязь. Неужели мы не можем просто захотеть провести время вместе, подружиться? Разве мужчина и женщина не могут быть друзьями без того,

чтобы он на нее запрыгивал?

– Или она запрыгивала на него! – засмеялась Оля.

– Не мой случай.

– Я бы никогда не осудила тебя за такое, просто я считаю, что тебе нужно отдавать себе разумный и сознательный отчет в том, что происходит, – это все, о чем я прошу. Мне не нравится, когда кто-то говорит: «Я не знала, не могла даже такого представить...» Ты раззадориваешь его, и, если не хочешь, чтобы между вами что-то произошло, лучше оставить эти игры. Потому что когда змея кусает тебя в первый раз, это ее вина, а когда она кусает во второй – уже твоя.

– А это ты где услышала? И когда же это меня кусала змея?

– Так всегда говорил мой дедушка, когда шутил «исключительно» с моей бабушкой. Виктор укусил тебя вчера, когда обманом привел тебя в паб.

София ушла в свою комнату. Через некоторое время гнев ее прошел, и она даже рассмеялась: «Я не говорила о таком даже со своей матерью. Может, Оля любит меня больше, чем мама». На самом деле Грация, ее мать, всегда была немного эгоистичной, и хотя она любила ее в детстве, она никогда не показывала ей этого.

В конце концов, София решила выйти к Оле и обнять ее:

– Я тебя люблю.

– Я тоже, ты сама знаешь.

Затем София улыбнулась:

– И все же я все равно пойду гулять с Виктором.

Оля покачала головой и тоже засмеялась:

– Я и не сомневалась.

София вышла из душа, надела халат и накрыла голову большим полотенцем. Некоторое время она терла волосы, затем включила фен и начала сушить их. Закончив, она сняла халат, нанесла немного крема на ноги, на все остальное тело и, наконец, остановилась, чтобы посмотреть на себя в зеркало: «А я не так уж и плохо выгляжу. Конечно, кожа бледновата, надо бы почаще бывать на солнце, но здесь никогда не бывает солнца. Кажется, я растолстела». Она наклонила голову в сторону, сначала вправо, затем влево, снова посмотрела на себя, повернулась и проверила вид сзади. Спина, бедра, ягодицы. Нужно проверить со всех сторон. Затем она развернулась в профиль: «Нет, не потолстела». Она надела темно-серый с белым комплект нижнего белья, не особенно сексуальный, но очень элегантный, с небольшими серебряными розочками и чуть более темными листочками: «Жаль, что Виктор не сможет его оценить... А может, и сможет? Если бы Оля слышала мои мысли, она бы заперла меня на кухне и больше никуда и никогда не выпускала, я бы сидела тут вечно!» Затем она открыла шкаф. Статистика утверждала, что мужчины чаще знакомятся с женщинами, одетыми в красное. София снова улыбнулась и начала примерять платье. Это слишком темное, то слишком изысканное, а вот это вполне ничего. Вдруг она бросила взгляд в зеркало и об-

радовалась тому, что была похожа на девочку-подростка, собирающуюся впервые на прогулку с мальчиком, в которой было так много той первоначальной заботы, а затем постепенное схождение в безразличие. Она постоянно задавалась вопросом: «А стоит ли мне вообще беспокоиться о том, что надеть? Как накраситься? Как подготовиться к встрече? Как и я, он просто должен любить меня, независимо от того, во что я одета, а если он этого не делает, значит, он меня не заслуживает, – она рассмеялась, – или что я ему не нравлюсь!» Ее разум стал более гибким – больше она не доверяла одной-единственной точке зрения. Она перестала быть для нее уникальной и абсолютной, и, как ни странно, таким ходом мыслей ей открывалось только больше возможностей.

София застегнула молнию светло-серых брюк.

– Не могу в это поверить. – В одном она все-таки ошиблась. – Я поправилась! А они так хорошо смотрелись на мне... Но как же это произошло?

В этот момент София вдруг осознала, что прошло уже восемь месяцев и она как будто отдалилась от всего, что случилось. Ей больше не хотелось оценивать ситуацию, чтобы понять, в каком моменте жизни она находится. Ей 31 год, 18 июля будет тридцать два, жизнь с невероятной скоростью проносилась у нее перед глазами. Жизнь, которая даже будто бы перестала принадлежать ей. Как будто мир ускорился, как будто все вокруг стало вращаться быстрее и, главное, не ждало ее. Затем внезапно раздался звонок. Она посмотре-

ла на часы. Девять часов. Одно можно сказать наверняка – Виктору все же придется подождать.

Глава одиннадцатая

Оля пошла открывать дверь:

– Привет, Виктор, зайдешь?

– Нет, спасибо, я подожду тут в машине.

– Боюсь, это займет какое-то время.

– Спасибо, я никуда не тороплюсь. Мне нужно сделать пару звонков по работе, и в машине работает обогрев.

Так что он вернулся в машину и взял свой мобильный телефон. На самом деле он хотел сказать Оле, что такую красивую женщину как раз и нужно ждать, но он понял, что, возможно, это было бы слишком и лучше не рисковать. Можно было считать чудом хотя бы то, что после стольких попыток София все же согласилась пойти с ним на свидание. Он позвонил себе домой, чтобы убедиться, что Лидия, его горничная, выполнила все указания, которые он дал ей перед выходом, – ему нужно было спешить на деловую встречу, так что он не смог проследить за всем лично.

– Вы увеличили температуру котла, как я вас просил?

Горничная в очередной раз ответила:

– Да, как вы мне и сказали.

Затем Виктор уточнил, все ли в порядке по разным другим мелким делам.

– Прекрасно. Тогда у меня все, можете идти домой.

– Хорошо, спасибо.

Лидия с удивлением положила трубку. Впервые он отпустил ее домой раньше обычного. Она, довольная, надела свое тяжелое пальто, проверила, достаточно ли льда в ведерке, положила шампанское в него чуть поглубже, чтобы оно немного охладилось, в последний раз немного поправила цветы в вазе на столе и ушла.

Виктор положил телефон во внутренний карман куртки и бросил взгляд на сверток на заднем сиденье. Если это ее не удивит, значит, ничто не удивит. В этот момент он заметил, как она вышла из подъезда. На ней была толстая шуба и небольшая меховая шапка – она выглядит прекраснее самой прекрасной из цариц.

София быстро добежала до машины и села в нее:

– Какой ужасный холод! Как хорошо, что ты не заглушил машину.

– Скажу только одно, ты даже красивее пианистки, которая обычно со мной играет!

София рассмеялась:

– Bravo, у тебя получилось поднять мне настроение. У меня его совсем не было.

Виктор включил передачу и медленно тронулся:

– Почему? погоди, дай угадаю, ты столкнулась со взводом «Ольга»?

София хотела бы рассказать ему правду, но пока не чувствовала, что может себе позволить откровенничать с ним.

– Да нет, проблемы с ученицей. Мне пришлось долго раз-

говаривать с мамой.

– С Елизаветой?

София удивленно повернулась:

– Откуда ты знаешь?

– Она же твоя фанатка, ходит на каждый наш концерт и таскает постоянно за собой родителей!

– Да, но они больше не могут себе позволить платить за уроки. Они думают, что вкладывать деньги в музыкальное образование дочери – пустое занятие. Это меня бесит. И они слишком горды, чтобы принять мое предложение о бесплатных уроках. Но я смогу их переубедить. Они не понимают, что у дочери большой талант и что от него нельзя отказываться... Он может сделать ее очень богатой.

И вдруг она вспомнила, что точно так же ей возражала ее мать, водившая ее на уроки к Оле. Она тоже всячески препятствовала ее страсти к музыке.

– Ты не будешь богатой, ты будешь вести самую посредственную жизнь.

– Но что может быть прекраснее музыки, мама?

– Деньги. А если у тебя есть деньги, то, когда ты захочешь послушать музыку, ты сядешь в самолет и полетишь в Париж, где будет выступать пианист, который определенно будет играть лучше тебя.

Но нет, София была упряма. И к тому же долгое время другие люди садились на самолет, чтобы попасть на ее концерт. Она могла бы разбогатеть, только если бы продолжала

играть...

– О чем ты думаешь?

София повернулась к нему и улыбнулась:

– Ни о чем, прости. Ты прав. Давай будем думать о том, как хорошо провести время. Может, сыграем еще что-нибудь, как вчера вечером!

Виктор рассмеялся:

– Ну нет... чтобы не рисковать, я оставил скрипку дома!

Глава двенадцатая

Вокруг была одна темнота, а на небе звезды. На дороге больше никого не было, слышно только, как стучат колеса машины Виктора по стыкам в асфальте. Они ехали довольно быстро.

– Куда же мы все-таки едем? Куда-то далеко?

Виктор улыбнулся ей:

– Все самое ценное не достается за просто так. Мы едем в одно восхитительное место, мне его порекомендовал Борис, первая скрипка Москвы. Он сказал, что приезжает на гастроли в Первомайский район исключительно ради этого ресторана. Так, мы уже близко. Ага, приехали.

Свет высоко стоящей в небе луны осветил небольшую площадку. Ресторан был похож на небольшой фермерский домик в центре долины, на деревянно-кирпичную дачу с большими окнами. Из трубы на крыше поднимался белый дым, а вокруг было припарковано несколько машин.

– Какое красивое место, такое отдаленное...

– Да. – Виктор был очень доволен сделанным выбором.

Когда они подошли ближе, София заметила, что все припаркованные машины – определенного типа. «Maserati», «Mercedes», «Porsche Panamera», «Bentley», «Aston Martin» и даже «Rolls-Royce». София сделала вид, будто ничего не заметила, хотя на одно мгновение ее вдруг пробрал смех: «А

мы приехали на „школе“». Затем она вспомнила фразу, которой Билл Гейтс ответил на вопрос:

– Простите, но почему при всех имеющихся у вас деньгах вы путешествуете экономклассом?

И Билл Гейтс с улыбкой ответил:

– А что, бизнесом быстрее?

Так что, решила София, и «школе» нужно отдать должное. «В конце концов, мы будем есть за точно таким же столиком, как и владельцы этого „роллс-ройса“. Ну конечно, возможно, вино, которое мы выберем, будет не совсем таким же...» Потом она слегка обеспокоенно посмотрела на Виктора: «Боже, в спешке я забыла свой кошелек. Хватит ли у него денег, чтобы за все заплатить?» И вдруг перед ее глазами ясно встала картина, как она, София Валентини, которой пророчили богатство и славу великой пианистки на весь мир, приехав в безусловно шикарный ресторан «Novik Country Club», закончит тем, что будет работать посудомойкой в тридцати километрах от Владивостока, на острове Русский.

– Что такое, о чем ты думаешь?

– Приятно было проехаться по мосту.

– Мост на острове Русский – самый длинный в мире. Подумай только, это вантовый мост, и он стоил Путину миллиард долларов и тысячу упреков!

– А вантовый – это какой?

– Это значит подвесной. Это мост, подвязанный к столбам

тросами, то есть вантами... – Виктор улыбнулся Софии. – Не могу поверить...

– Что?

– Что ты чего-то не знаешь.

– Глупости. Я много чего не знаю.

– Даже о музыке?

– Нет, о музыке я знаю все.

Виктор улыбнулся. «Тогда это место понравится ей еще больше», – подумал он. Он припарковал «шкоду» прямо между «бентли» и «роллс-ройсом» и вышел:

– Что ж, впечатление производит недурное, правда?

– Весьма и весьма недурное!

«Как же иронично», – подумала София, и они вошли внутрь.

Глава тринадцатая

Интерьер ресторана был во всех смыслах идеален. Стены были оклеены обоями с нарисованными бабочками самых разных видов, которые также встречались и на занавесках, и на обивке некоторых диванов и подушек. Приглушенный теплый свет освещал расставленные на некотором расстоянии столы, также отделанные весьма элегантно. Дополняли обстановку золотая лепнина и две большие хрустальные люстры.

Их встретил молодой, безупречно выглядящий официант. Виктор назвал свою фамилию.

– Пожалуйста, господа, сюда. – Их провели к их столику. – Сюда, пожалуйста. – Он придвинул стул для Софии: – Я сейчас вернусь. – И удалился.

София огляделась: маленькая комната была полна старинных музыкальных инструментов, которые висели на стенах. Она очарованно и восхищенно стала рассматривать их. Там было несколько мандолин, архлуты, несколько альтов, несколько кларнетов и даже псалтерий и шарманка. Они напомнили ей те, что она когда-то видела в Музее музыки в церкви Сан-Маурицио в Венеции, в коллекции «Антонио Вивальди и его время» маэстро Артемио Версари. Настоящее чудо.

– Они все прекрасны. А вон там скрипка...

Виктор обернулся.

– Да нет, не волнуйся, я пошутила, сегодня я не буду заставлять тебя устраивать представление.

Эта фраза почему-то возбудила Виктора, который тут же попытался скрыть трепет своего желания фальшивой наивной улыбкой:

– Слава богу. А я уж думал, ты хочешь устроить настоящее турне.

София развернула салфетку и положила ее себе на колени:

– Об этом я не думала, но было бы неплохо.

– Не могу – следующие два года я буду занят работой в нашем оркестре. – И затем Виктор добавил серьезно: – Надеюсь, ты тоже.

София пожала плечами:

– Да, наверное, но пока мне ничего не сказали.

– Но ведь дирижер тебя просто обожает... – Виктор был искренне удивлен. Помимо того, что он не верил в то, что существует вообще хоть кто-то, кто не был бы от нее без ума, она к тому же нравилась и женской аудитории, что очень необычно для столь красивой женщины. – Если хочешь, я сам поговорю.

– Нет, спасибо, не волнуйся, мы с ним скоро увидимся, а потом, если вдруг что-нибудь понадобится, я дам тебе знать.

– Серьезно, дай знать. Я обязательно тебе помогу.

София улыбнулась ему, и в этот же момент вернулся мо-

лодой официант. Он продемонстрировал Виктору бутылку, и тот кивнул. Официант довольно быстро вставил штопор в пробку и бесшумно вытащил ее, затем он завел левую руку за спину, а правой рукой налил немного шампанского «Krug» сначала в бокал Софии, а затем Виктора. После он обошел маленький столик, только что принесенный другим официантом, со стоявшим на нем ведерком со льдом и опустил в него шампанское. Наконец он подал обоим гостям меню:

– Я скоро вернусь.

И он вновь исчез вместе с другим официантом.

Виктор поднял бокал и улыбнулся Софии:

– За музыку счастья.

– Прекрасно! Впервые слышу такой тост!

София нежно стукнулась своим бокалом о бокал Виктора, смотревшего ей прямо в глаза.

– Я придумал его сегодня для тебя, потому что мне бы хотелось, чтобы мы сыграли эту музыку вместе.

София на мгновение впала в ступор, но затем улыбнулась:

– Да, за музыку счастья... – Она подняла бокал и выпила шампанское.

На самом деле ей пришла в голову песня Аль Вано и Ромины Пауэр «Феличита... ун биккьере ди вино кон ун панино», и ей стало смешно. «Нельзя над ним шутить, вдруг он окажется не так восприимчив к шуткам? Он слишком серьезно относится к сегодняшнему вечеру. Шутка может плохо кончиться, несмотря на то что Аль Вано и Ромина – на-

стоящие кумиры в этой стране».

– София, ты отлично выглядишь в этой синей юбке. Она прекрасна, как и твоя немного мужская рубашка с запонками.

– Тебе нравится?

– Очень.

– Здорово, я рада.

На самом деле это было единственным, что она смогла надеть, единственным, что на нее налезло. Виктор потянулся за бутылкой, но тут же подошел внимательный официант и наполнил фужеры им обоим. Перед заказом они выслушали предложения официанта и пару раз заглянули в меню.

– У нас самая свежая рыба.

– Хорошо, тогда мы возьмем закуски из сырой и приготовленной рыбы, а затем, раз вы подаете их, запеченные ракушки Сен-Жак.

– Отличный выбор. Я также могу принести и блины, мы подаем их с вкуснейшим лососем.

Виктор посмотрел на Софию, она кивнула.

– Если хотите, могу посоветовать также попробовать солянку или борщ, традиционный свекольный суп. – Заметив, что эти двое снова кивнули, официант продолжил: – Возможно, я могу предложить вам также дегустационное меню?

– Да, тогда давайте так, два дегустационных меню и два бокала подходящего вина, – ответил Виктор.

– Отлично, думаю, это отличный выбор. Вы не будете

разочарованы.

И после этого начался некий своеобразный танец. На столе чередовались то одни, то другие блюда – приготовленные с особой тщательностью и идеально поданные. Сначала сырого вида: устрицы, тартар из лосося, морской окунь, морской лещ – в сочетании с бокалами охлажденного «Blanc del Morgex». Затем стали приносить горячие блюда, среди которых был даже мухомор – очень ядовитый и смертоносный гриб, но при правильном приготовлении он становится невероятно вкусным и не несет в себе никакой опасности. Вместе с ним был подан бефстроганов под «Бароло», «Сассикайо», «Амароне» и «Брунелло»¹ – с каждым бокалом градусы алкоголя росли словно крещендо.

– Таким образом невозможно напиться, – объяснял официант. – Важно пить правильно, чтобы суметь насладиться всеми оттенками и не получить никаких нежелательных последствий...

Иногда они пропускали по паре стаканов кваса – утоляющего жажду хлебного напитка, похожего на темное пиво, газированное и слегка алкогольное. Из небольших динамиков, спрятанных по углам комнаты, едва слышно звучали произведения Ханса Циммера, а также Рюичи Сакамото и Мориса Жарра. Кажется, что эта музыка была специально подобрана для них кем-то, кто знал их.

– Ты подобрал сюда плейлист? – рассмеялась София,

¹ Типы вина. – *Примеч. пер.*

удивленная такому невероятному совпадению.

– Нет-нет, они и сами прекрасно справляются.

– Это точно.

Как только София отвлеклась на мгновение, Виктор достал из бумажного пакета под стулом какой-то сверток и положил его на стол. Но София продолжила пить и есть, ничего не заметив, а официанты, от взгляда которых не ускользало ничего, внезапно куда-то исчезли.

– Куда же они все делись?

Виктор пожал плечами:

– Не знаю, может, решили на время оставить нас в покое.

София увидела, что Виктор не сводит с нее глаз. Наконец поняв, что она как будто бы и не собирается замечать сверток и в воздухе повисла некая неловкость, он решил ей помочь.

– Какое странное блюдо. Должно быть, его будет нелегко съесть. – И он указал кивком на стол.

София наконец заметила сверток, и глаза у нее загорелись, как у ребенка. Она мечтательно спросила:

– Это мне?

– Да.

– Я могу его открыть?

– Конечно.

– Прямо сейчас?

– Да.

И она взяла его, прижала к груди и действительно стала похожей на ребенка. «Сколько же времени я не испытывала

подобного чувства? Сколько времени прошло с тех пор, как кто-то делал что-то для меня, заставлял почувствовать себя ценной, желанной, любимой? Слишком много». И на ее глаза навернулись слезы от переполнивших ее эмоций. Она почувствовала, как эти слезы подступали и застилали ей взгляд, словно бушующая река, захлестывающая плотину и готовая вот-вот ее прорвать. Тогда она попыталась взять себя в руки. Виктор обернулся, чтобы посмотреть, не проходил ли рядом официант.

Ей удалось вытащить платок из сумочки и вытереть глаза, пока он отвлекся:

– Ты меня взволновал...

– Правда? Я и не заметил. Давай открывай.

София медленно развернула сверток и с любопытством посмотрела на подарок:

– Что же это?

– Ты должна узнать... Думаю, ты не раз этим пользовалась в своей жизни.

– Пользовалась?... – София рассмотрела подарок получше. – Не может быть, это одно из первых произведений Моцарта, партитура восемнадцатого века, посвященная королеве Шарлотте юным музыкантом, когда ему было всего девять лет...

Виктор был удивлен – София действительно знала о музыке все. Он никогда ни о чем подобном не знал, пока не начал подбирать ей подарок.

София осторожно пролиستала его:

– Существует всего десять копий этой сонаты, каждая в своей вариации, и все написаны им лично. Но ведь это не оригинал, правда?

Виктор взволнованно улыбнулся ей, а затем кивнул:

– Именно так, и он твой.

– Виктор, ты что, не нужно было!

София встала, обежала стол и с такой силой обняла его, что Виктор чуть не упал со стула. Она весело рассмеялась. Это была настоящая София. Затем она собралась и вернулась на свое место. Тут же появились официанты с другими блюдами и новыми винами.

София была по-настоящему шокирована:

– Но как же ты это придумал? Такие вещи мне очень нравятся, только их невозможно отыскать. К тому же о моем увлечении знала только Оля, но не думаю, что это она тебе подсказала.

– Даже если бы я ее пытал, она бы мне ничего не сказала. Ты только представь! Предать свою Софию! Лучше уж умереть.

«Это правда, – подумала София. – Оля именно такая».

– Тогда я расскажу тебе, как мне удалось это выяснить. Ты очень давно говорила об этом с Раисой, а потом как-то вечером мы с ней болтали о тебе...

– Обо мне? И что вы говорили?

– Только хорошее. Насколько здорово ты играешь и как

сильно любишь музыку. И тогда она рассказала мне о твоей страсти.

София все еще была в полном восторге.

– Это правда, я всегда хотела этого, но у меня никогда не было времени на то, чтобы искать и приобретать старинные партитуры. – И она снова прижала подарок к груди. – Спасибо, я буду хранить его как свою самую драгоценную жемчужину.

И они продолжили смеяться и шутить, угощаясь отменными русскими сладостями – двумя бокальчиками голубь-моголя, птичьим молоком с нежным беже, созданным знаменитым кондитером Владимиром Гуральником, сливами в шоколаде, хворостом, который София очень любила, потому что, по ее словам, он напоминал о бабушкином карнавальном печенье; они также съели два хрустящих сырника со сметаной и, как будто всего этого им было мало, два красиво украшенных тульских пряника с повидлом. Напоследок они выпили два маленьких стаканчика киселя – вареного фруктового сиропа, идеально подходящего в конце трапезы.

– А теперь попробуй вот это, это невероятно вкусно. – И Виктор взял одну из бутылок водки, стоящих на краю стола. – Это «Пять Озер Премиум», кажется, она сделана в Сибири из альфа-спирта и самой чистой таежной воды.

Он налил ей водки в стакан.

София отпила немного:

– Очень тонкий вкус. – И она выпила всю стопку разом, как это принято в России.

– Попробуй и «Белугу», как она тебе?

И эта тоже была весьма хороша. София посмеялась над маленькой рыбкой, приклеенной к бутылке. Ей казалось, что она тоже немного поплыла.

– Какая ты красивая, София. Я мечтал провести с тобой хоть пару часов с тех самых пор, как ты попала в нашу компанию.

– Все это время?

– Да.

– Что ж, тогда замечательно. В конце концов, тебе это все-таки удалось.

– Я бы хотел проводить с тобой каждое мгновение своей жизни. Мне нравится твой смех, мне нравится, когда ты выкладываешься по полной, играя разные пассажи на фортепиано... и как при этом ты прикусываешь нижнюю губу...

– Я серьезно так делаю?

– Да, серьезно.

София улыбнулась:

– Я никогда этого не замечала.

Чуть позже София растянулась на переднем сиденье машины. Она смотрела на просветы в большом дереве перед рестораном, затем машина медленно тронулась с места, и перед ее глазами оказалась темнота, а потом появилось несколько звездочек, и казалось, что все немного плывет.

– Поговори со мной еще, Виктор.

Он повернулся к ней и увидел, что глаза ее полузакрыты, а губы растянулись в слабой улыбке. Виктор продолжил смотреть на дорогу, чувствуя себя счастливым, уверенным и полным вдохновения.

– Мне нравится, как ты одеваешься, словно пытаешься спрятаться... Мне нравится, когда ты играешь. Когда ты стараешься так сильно, что начинаешь потеть, будто... будто бежишь.

Виктор посмотрел на нее.

София все еще улыбалась и сидела с прикрытыми глазами:

– Продолжай.

– Мне нравится, когда ты одеваешься элегантно, но когда ты в джинсах и туфлях без каблуков, мне нравится тоже. Мне нравится, что ты итальянка, но что иногда тебе удастся быть русской, такой упрямой и волевой.

– Я люблю Россию, ее поэтов, ее традиции... Эй, а где же моя жемчужина, моя драгоценная партитура?

– Она здесь.

Виктор достал ее с заднего сиденья и показал ей. София повернула голову, кивнула и упала обратно на сиденье.

– Как мило, спасибо, ты очень меня обрадовал, – София взяла его за руку, – мне даже хотелось заплакать.

Виктор заметил это, но ничего не сказал.

– Ты была бы только красивее.

Она посмотрела на него и улыбнулась. Его глаза были такие красивые, яркие, добрые.

— Мы почти на месте, вот... — И машина Виктора остановилась.

София приподнялась и огляделась:

— Но я живу там, в конце улицы.

— Я знаю, здесь живу я...

— Ты хочешь показать мне свою коллекцию бабочек? Брось, мы уже видели их в ресторане, на стенах, их повсюду было так много... — И София рассмеялась, и он тоже в ответ.

Затем наступила тишина. Они продолжали смотреть друг на друга.

Виктор взял ее за руку:

— Ты такая красивая, когда смеешься... Тебе нужно всегда быть веселой.

«Это правда. Я счастлива. Почему я перестала быть счастливой? Я всегда должна быть счастлива».

София открыла дверь и вышла из машины. Виктор пошел за ней, затем обогнал и открыл входную дверь. В доме было тепло и уютно. В центре гостиной стояли пестрые розы, нежный аромат которых наполнял комнату.

— Садись здесь. — Он усадил ее на большой ярко-красный кожаный диван.

Глаза Софии были полузакрыты. Она заметила красивые картины, растения, все было очень аккуратно, оформлено в классическом стиле, возможно, даже несколько старомод-

но. Наверх вела большая лестница. Она услышала, как Виктор шуршал фольгой, затем звук хлопающей пробки и через несколько секунд звук чего-то наливающегося... Голова у нее кружилась – она слишком много выпила. Вдруг София почувствовала, что подушка, на которой она сидела, будто приподнялась... Она открыла глаза – это Виктор сел рядом с ней.

– Вот, возьми, выпьем. За твое счастье. Пусть оно будет длиться вечно.

– Опять пить... Я больше не могу. Я выпила слишком много.

– Всего один глоток... за твое счастье.

София поднесла бокал к губам, сделала небольшой глоток и поставила его на стол позади себя. Повернувшись обратно, она увидела, что Виктор придвинулся очень близко.

– Какая ты красивая. Все это похоже на сон, не могу поверить, что ты здесь со мной. – Виктор все ближе и ближе приближался к ней. – Твоя улыбка, твои глаза... – Он запустил руки в ее волосы. – Твой нежный запах.

София закрыла глаза. Она почувствовала легкие поцелуи на своей шее.

– София, ты заслуживаешь счастья.

Он повторил эту фразу снова. София будто оказалась в ступоре, она была смущена и скованна, а он продолжал дышать ей в шею и одаривать легкими поцелуями. Затем Виктор приблизился к ее губам, коснулся их своими, а его руки

начали ласкать ее ноги, бедра, все выше поднимая ее юбку.

София остановила его и опустила юбку обратно вниз.

– Перестань, Виктор, хватит... – сказала она ему тихим голосом. – Все, хватит.

– Нет, София, как это – хватит? Ты так сильно мне нравишься...

И он забрался на нее всем своим телом.

– Все, я сказала, хватит. – Голос Софии стал сильнее.

– Нет, ведь этот вечер так прекрасен, он похож на сон.

– Давай слезай...

Но Виктор не двигался, он будто обездвижил ее. Затем он начал расстегивать штаны.

– Нет, Виктор, что ты делаешь? Остановись...

– Ты хочешь отправить меня спать вот так? Тогда не стоило тебе подниматься сюда, София... – И он посмотрел на нее решительно, его взгляд внезапно ожесточился, глаза широко открылись. Он казался полным энергии, решительным, дерзким. Может быть, это все говорил в нем алкоголь.

Тогда София улыбнулась ему:

– Ты прав, прости. – А затем она прошептала: – Поцелуй меня...

Виктор посмотрел на нее немного подозрительно, но увидел, что она действительно позволила себе расслабиться. Она закрыла глаза, опустила руки, подняла белый флаг. Тогда он улыбнулся: «Я был уверен, что она этого захочет». И он расслабляется, опускается ниже и практически ложит-

ся на Софию. Они начинают нежно целоваться, касаясь друг друга. Виктор высунул язык и попытался проникнуть им Софии в рот, который был таким теплым, гостеприимным. Но это длилось всего мгновение. София укусила его и одновременно подняла правое колено, с невиданной силой пнув его промеж ног. Виктор вскрикнул, перекатился, упал с дивана, свернулся клубком, а затем его вырвало от боли. София перелезла через него, схватила свою шубу, шапку и через секунду была уже на улице. Воздух был холодный, и ей хватило нескольких вдохов, чтобы насытиться кислородом. Она протрезвела, и разум ее вдруг сразу прояснился. Она быстро зашагала домой. Затем внезапно остановилась, подняла камень и вернулась. Она почти не сомневалась в том, что собиралась сделать. Она была полна гнева. Больше всего ее пугало то, что в тот момент, когда она закрыла глаза и услышала его слова в погоне за счастьем, она почувствовала, словно вновь оказалась на том острове. «Танкреди... Но почему именно сейчас он пришел мне в голову? Почему я об этом думаю? Почему сейчас? Смогу ли я когда-нибудь это забыть?» И через мгновение в сознании Софии лицо Танкреди сменилось на лицо Виктора, и она почувствовала, как ее щеки снова запылали от гнева. «В одном я уверена точно. Оля была права, теперь уж она заставит меня ее выслушать». Она улыбнулась мысли о том, как будет проходить их разговор. Она шла домой, а в «шкоде» Виктора, посреди осколков окна, лежала ее драгоценность – оригинальная партитура.

ра Вольфганга Амадея Моцарта, разорванная на тысячу кусочков.

Глава четырнадцатая

Когда Оля в халате пришла на кухню, София уже завтракала. Они обменялись взглядами, и Оле потребовалась секунда, чтобы все понять.

– Вот.

София одной рукой придерживала голову, а другую подняла, чтобы остановить ее:

– Да, я уже знаю, что ты хочешь мне сказать. Ты хочешь своими словами отправить меня в нокаут и уничтожить, поэтому я скажу сразу – ты была права. Ты это хотела услышать?

Оля подошла к плите и взяла чайник с еще горячим чаем, налила немного себе в чашку и села рядом с ней:

– Иногда я бы очень хотела ошибаться, но не получается. – И она добавила в чай немного молока, а затем стала его пить.

София не смотрела на нее:

– Нам всем хочется, чтобы был кто-то, кто сказал бы нам, что делать, а мы бы потом поступали с точностью до наоборот, но...

– Но?

– Нам всегда радостно, когда кто-то интересуется нами.

Оля кивнула и сделала еще один глоток. Затем она взяла тост и намазала на него масло, стараясь не разломить. Наконец, когда дело было сделано, она положила сверху немного

черничного варенья.

София хмуро посмотрела на нее:

– А у меня всегда ломается.

– Потому что ты готовишь точно так же, как играешь...

София озадаченно на нее посмотрела.

Оля ей улыбнулась:

– Подавляя всех и вся. – И она откусила кусочек бутерброда.

– Да уж точно, тосты – это тебе не третий концерт Рахманинова.

Они рассмеялись и продолжили разговаривать, время от времени запивая разговор чаем.

– В общем, я с тобой не согласна.

– Я и не сомневалась.

– Мне нужно было встретиться с Виктором вчера вечером, чтобы понять некоторые вещи, которые в противном случае ускользнули бы от меня.

– Хорошо.

Некоторое время они молчали.

– Ты тоже хочешь сказать мне что-то еще?

София улыбнулась:

– Да, конечно, но я не уверена, что ты захочешь это услышать.

Софии нравились их с Олей отношения – они были очень близки, но в то же время держали дистанцию, относясь друг к другу с невероятным уважением, большой любовью и, воз-

можно, даже с небольшим страхом, который и мог все испортить. И поэтому они играли в словесные игры там, где можно было выразиться более просто.

– Вчера я поняла, что хочу любви. Я скучаю по тому, чтобы быть красивой для кого-то, и от этого в самом деле становиться красивой. Я скучаю по смеху и... – София посмотрела на Олю, немного беспокоясь о том, какую реакцию это вызовет. – Я скучаю по сексу.

Она увидела, что ее попытка взорвать неизвестную ей бомбу ни к чему не привела. Словно если бы у гранаты сорвали чеку и отправили ее далеко и глубоко в море, а она, взорвавшись, отправила на поверхность всего лишь жалкий пузырь, который лопнул с тихим бульком.

Оля вздохнула:

– Я не вижу во всем этом ничего плохого, все это более, чем естественно. Ты красивая женщина, молодая, веселая, любопытная, радостная... Большинство мужчин сходят по тебе с ума и хотят тебя, а что уж говорить о тех, кто видел, как ты играешь!

– Почему?

– Поскольку видеть твою игру на фортепиано возбуждает еще сильнее – ты касаешься клавиш, будто ласкаешь музыку, будто занимаешься любовью. И это говорит тебе женщина.

– Да, думаю, мужчина выразился бы по-другому. Ты действительно так меня видишь?

Оля улыбнулась:

– Я преуменьшила. Ты не рассказала мне только одного, после твоей внимательной рефлексии по поводу вчерашнего вечера...

– Подожди... – София остановила ее. – Прежде чем ты мне скажешь то, что хочешь, я хочу тебе кое-что рассказать. Вчера вечером мы ездили ужинать в прекрасное место на острове Русский.

– Там очень красиво.

– Да. Виктор выложил по полной. И только подумай, он подарил мне оригинальную партитуру девятилетнего Моцарта. Я даже представить не могу, сколько она стоит. Минимум три тысячи евро.

– Это шесть его зарплат, не говоря уже о том, сколько он потратил на ужин. Вы заказывали много вина?

– Да, самых разных, и все отличного качества.

– Он как будто весь год играл только ради тебя.

София рассмеялась:

– Да, но в самый важный момент он сделал ошибку. Я вспомнила один замечательный фильм с Де Ниро и Мерил Стрип – «Влюбленные» – тот эпизод, где они идут к нему домой, начинают страстно целоваться, перебираясь на кровать, но потом она вырывается, извиняется и хочет уйти домой. Она влюблена, но чувствует себя виноватой... – И София замолкла.

В этот момент Оле захотелось узнать обо всем, расспросить ее, что же все-таки случилось. Была ли она у него дома?

И да, целовались ли они? Чем занимались еще? Но она понимала, что сейчас не время, поэтому продолжила молчать. Она знала Софию и понимала, что та сама решит, что ей рассказать и в особенности когда.

София извинилась:

– В общем, прости, я не знаю, зачем я тебя перебила. Что ты хотела мне сказать?

– Ты права, что желаешь все то, о чем только что мне рассказала. И, честно говоря, ты могла бы легко получить все это и не тратя время на поиски мужчины, потому что он у тебя уже есть. София, может быть, ты этого не помнишь, но ты замужем.

София рассмеялась:

– Ну конечно! Вот чего ты хочешь! Ну хорошо хоть ты мне сказала, а то я все не могла вспомнить, весь вечер вчера думала за ужином: а не замужем ли я?

Оля покачала головой:

– Я ни разу не спрашивала тебя о том, что тогда произошло. Ты не хотела мне рассказывать, и я не настаивала. Я знала только, что с твоим мужем произошел несчастный случай, а потом была операция. Но я так и не поняла, почему ты сбежала.

– Это правда, мне не хотелось думать об этом. Дело в том, что ты всегда ценила меня такой, какая я есть, но правда в том, что мой скверный характер все-таки проявляется в некоторых вещах.

– Я знаю. – Оля сделала глоток чая.

София продолжила:

– Например, авария... Это была моя вина. Был вечер, и Андреа поехал за пиццей. Он был на мотоцикле. Я только что вернулась с уроков. Он позвонил мне и сказал, что купил пиццу с помидорами черри и моцареллой. Но я ясно дала ему понять, что хотела только с помидорами и все. Я разо-злилась. Я сказала ему, что он никогда не слушает меня, что он всегда делал по-своему.

– Но это же всего лишь пицца.

– Да, действительно. Я знаю. – София допила чай и поставила чашку на стол. – Он пытался пошутить по этому поводу, но я была непреклонна. Мы поссорились, и я бросила трубку.

– Как тяжело...

– Андреа в ярости вернулся в пиццерию. Было темно, он гнал как сумасшедший, чтобы поскорее приехать, и не заметил, как внизу под горкой разворачивалась машина. За рулем сидела пожилая женщина, которая, увидев, как он несется на нее, впала в ступор, остановилась посреди дороги, а он не успел свернуть. Это было ужасно. И все, что нужно было, это сказать: «Ты права, я уберу моцареллу...»

Оля молчала.

– Его парализовало из-за меня. Из-за меня. Из-за пиццы, такой ерундовины. Я посвятила себя Андреа полностью, потому что чувствовала себя виноватой, мне было плохо, а он

страдал. Я решила, что я должна исполнить свою клятву – никогда больше не играть концертов...

– Я хорошо это помню, и мне очень жаль. Тебя не хватало всему миру музыки. Никто из нас не мог тебя переубедить.

Оля взяла тост и намазала его маслом.

– Потом я встретила Танкреди...

Оля откусила кусочек, в этот раз не положив варенья.

– Человека, который удивил меня с самого начала. Это меня раздражало, но в то же время нравилось, причем очень. И за это я его ненавидела. Но потом я поняла, что он нравится мне по-настоящему, и из-за этого я почувствовала себя еще более виноватой перед Андреа. Я не хотела сдаваться. Мне казалось, что я предаю его, даже просто думая о Танкреди.

Пока София продолжала свой рассказ, она поняла, что впервые за такой долгий период времени она может полностью признаться в том, что произошло. Она чувствовала себя легко, словно плотина, которая слишком долго сдерживала поток воды и внезапно дала ему свободу.

– Но почему же тогда ты от всего сбежала?

– Потому что однажды Андреа сказал мне, что в Интернете он нашел профессора Мишуну Торкаму, который экспериментировал с новым методом лечения стволовыми клетками, он изучал способы и, похоже, мог творить чудеса. Но стоило это очень дорого.

– Я помню.

– Нужно было заплатить баснословную сумму, и вдруг по-

явилась возможность поехать на те гастроли...

– Да, – произнесла Оля, доедая тост, – нужно было сыграть пять высокооплачиваемых концертов, и я была просто счастлива, потому что ты снова играла.

– Точно, и эта сумма пошла бы на оплату операции Андреа. Но на самом деле это предложение поступило от Танкреди, который организовал весь этот ненастоящий тур, чтобы я провела время с ним. Я солгала Андреа и тебе тоже, сказав, что буду выступать, но на самом деле я провела пять дней на его острове вместе с Танкреди...

Оля посмотрела на нее.

– Всего несколько дней, но они изменили мою жизнь и жизнь Андреа. Он перенес операцию и снова начал ходить. И когда все, казалось, вернулось на круги своя, Андреа сказал то, что снова перевернуло все с ног на голову.

– Что?

– Через месяц после операции, во время реабилитации, он вскользь упомянул, что узнал о Торкаме из присланного ему на почту письма. До этого он всегда говорил мне, что нашел его случайно, сидя в Интернете. Я провела небольшое расследование и обнаружила, что это письмо прислала компания «Nautilus», которой владеет Танкреди. Андреа понимал все, и он принял, что все будет так, как хочет Танкреди. Операция, деньги на ее оплату и то, что я останусь с ним... Они оба меня обманули, понимаешь? – София посмотрела в окно.

– И тогда ты ушла, – сказала Оля, – оставив их обоих.

– Да...

Оля улыбнулась Софии:

– Ну ты ничуть не хуже многих других. А теперь давай скорее покажи мне ту старинную партитуру, которую тебе подарил Виктор.

– Я не могу.

– Она настолько драгоценна? И надежно спрятана? Она слишком хрупкая и может рассыпаться?

– Нет, я разорвала ее на мелкие кусочки.

Оля улыбнулась. Что ж, теперь ей незачем больше было ее расспрашивать – она прекрасно поняла, как прошел тот вечер.

Глава пятнадцатая

В большом классе музыкальной школы маленькая девочка все никак не могла понять:

– Значит, мы больше не увидимся? – Елизавете было сложно принять реальность.

София стояла перед ней на коленях и держала за руки:

– Мы увидимся снова, но позже.

– Ты же моя учительница, ты не можешь просто так уйти.

Елизавета была действительно очень хорошенькой – темные волосы, черные глаза и сердитое личико. По ее мнению, так быть не должно.

– Ты права, но, когда вырастешь, ты меня поймешь.

– Мама мне тоже всегда это говорит. Тогда знаешь что? Я не хочу становиться взрослой!

Ей удалось вырвать руки из ладоней Софии и снова сесть за свою парту, скрестив руки на груди и разозлившись еще сильнее.

София подошла к ней:

– Вот увидишь, вы с Олей прекрасно сработаетесь. Она ведь была моей преподавательницей тоже. А когда мы встретимся, то снова будем играть вместе. Обещаю тебе, мы устроим концерт в четыре руки.

После этого обещания на лице Елизаветы, кажется, мелькнула улыбка.

– Честно? А когда ты вернешься?

– Скоро, обещаю тебе. – Затем она обратилась ко всему классу: – Итак, девочки, я оставляю вас на попечение учительнице гораздо лучше, чем я. Вы знаете, она раньше преподавала здесь долгое время, а сейчас возвращается специально ради вас.

Оля сидела за столом. Девочки были слегка взбудоражены, похоже, что они не были согласны ни с тем, что она может быть лучше Софии, ни с идеей, что теперь они будут учиться у этой пожилой женщины.

– Но она же очень старая... – прошептала одна из них. – И строгая.

София сделала вид, что не услышала:

– Я уверена, что вы прекрасно вместе проведете время. Помните, музыка для души, словно гимнастика для тела. Вы все станете еще красивее!

– Это ты придумала эту фразу про гимнастику для души? – спросила Елизавета.

София погладила ее по голове:

– Нет, я не настолько умна. Ее придумал один греческий философ. – И, прежде чем она расстроилась еще сильнее или даже расплакалась, София схватила сумку. – Пока, девочки, хорошей работы. – И она вышла из кабинета.

– Подожди! – Оля вышла за ней, на ходу говоря всему классу: – Ждите меня и не балуйтесь. – И закрыла за собой дверь.

«Ну что ж, прекрасное начало», – подумала Елизавета.

Оля и София направлялись к выходу, идя по пустому коридору.

– Ты уже решила, что делать?

– Еще нет, но ты права, мне пора уходить.

– Я провожу тебя, если хочешь. Когда ты купишь билет на самолет, я отвезу тебя в аэропорт.

– Хорошо, Оля, а сейчас возвращайся в класс, пока они не воспользовались твоим отсутствием.

– Ты вернула меня к преподаванию. Это настоящее чудо.

– Ты тоже творишь чудеса.

– Это правда.

Оля крепко ее обняла. София закрыла глаза: «Я не должна плакать, я слишком сентиментальна, это уже не нормально».

Она сжала кулаки, и ей удалось сдержать слезы. После этого она отстранилась от Оли:

– У Елизаветы многообещающее будущее.

– Да, я согласна с тобой.

– До скорого, Оля.

– До встречи.

Оля проводила ее взглядом. В тишине коридора были слышны только звук ее шагов и какие-то аккорды из отдаленных кабинетов.

Она прошептала:

– Но никто никогда не сможет достичь твоего уровня, София. – И в этой уверенности она возвратилась в класс. –

Итак, девочки, давайте продолжим с того места, на котором вы остановились.

Елизавета открыла нотную тетрадь и сказала однокласснице:

– Я уже скучаю по Софии.

– Я тоже. Она мне очень нравилась, а теперь даже хочется плакать.

– Нет, не нужно. София бы не хотела, чтобы ты плакала.

Глава шестнадцатая

София уже собиралась открыть дверь и выйти, но решила в последний раз обернуться и посмотреть на коридоры музыкальной школы, на закрытые двери классов, где разные учителя преподавали музыку юным, многообещающим, талантливым ученикам. «И вот я опять уезжаю. Найдется ли когда-нибудь место, которое станет для меня настоящим домом? Как-то раз я прочитала одну прекрасную цитату Оливера Уэнделла Холмса: „Дом – это то место, которое могут оставить наши ноги, но не наше сердце“, что-то вроде того. А я? Где же я оставила свое сердце?»

Затем София закрыла за собой дверь, спустилась по школьной лестнице и вдруг остановилась как вкопанная.

– Сможешь ли ты когда-нибудь простить меня? – Внизу лестницы стоял Виктор. – Прошу тебя, я чувствую, что я ужасно виноват перед тобой.

София быстро сбежала по лестнице.

– Я не знаю, что на меня нашло, правда. С тех пор как ты приехала сюда, я хотел провести с тобой хоть немного времени и испортил все в одно мгновение. – Виктор продолжал идти рядом с Софией. – Пожалуйста, я знаю, что совершил ошибку, но ты не можешь так со мной поступить...

София посмотрела на него.

Виктор тут же исправился:

– В смысле, прости, нет, конечно, ты можешь поступать со мной как хочешь, на самом деле ты все делаешь правильно... Я не должен был этого делать. Вот... Подожди минутку.

София остановилась.

Виктор побежал к своей «шкоде» и вскоре вернулся с красивейшим букетом белых лилий:

– Я прочитал, что это цветы, которые символизируют чистоту, желание начать все сначала, как дружеское рукопожатие. Вот я бы хотел, чтобы это произошло и между нами. Правда, я не знаю, что на меня нашло...

На самом деле Виктор спланировал все до мельчайших деталей и надеялся, что все его расходы – ужин, шампанское «Krug» в ресторане, шампанское дома, драгоценная партия, – все эти заранее запланированные вещи приведут к желаемому результату, а не к полному провалу и не к тому, чтобы его стали совсем избегать.

Виктор все еще шел рядом. Он был полностью разбит и в отчаянии.

– Прими хотя бы эти лилии.

София взяла их, и Виктор почувствовал себя чуть легче.

– Спасибо. Клянусь тебе, я просто не находил себе места. Затем София продолжила идти.

Виктор прошел за ней еще пару шагов:

– Куда ты идешь? Могу я тебя подвезти?

София повернулась и бесстрастно смотрела на него несколько секунд.

Виктор понял, что то, что она приняла от него цветы, уже прекрасно и лучше на этом и остановиться.

— Как бы то ни было... знай, я всегда рядом. — После этой неуместной и глупой фразы он вновь сел в машину и уехал.

Когда София увидела, что «школа» скрылась за углом, она выбросила лилии в мусорный бак и продолжила идти домой.

Все нужное она стала собирать в свою косметичку, а также в небольшой чемодан. Она выбирала, что взять, а что оставить: «Да, это мне пригодится в Риме; эта одежда слишком тяжелая и ее можно носить только тут». Затем она открыла ноутбук и стала искать билет. На одно мгновение ей захотелось взять билет на поезд, но до Москвы он шел около пяти дней. Она рассмеялась: «Кто знает, может, однажды мне пригодится это время». Наконец она нашла то, что искала, всего с одной пересадкой. Она купила этот билет, зарегистрировалась, и все данные пришли ей на мобильный телефон. После этого София сходила в душ, высушилась, оделась, сделала себе кофе и затем села за кухонный стол. Много времени у нее не было, так что долго сидеть она не собиралась. Иногда все кажется настолько ясным, что слова приходят сами собой. Затем она вызвала такси. Увидев машину в окно, она надела пальто, перекинула сумку через плечо, взяла чемодан и вышла. На мгновение она остановилась, чтобы в последний раз взглянуть на дом. Эта крыша, маленькие окна, балконы, на которых были растянуты какие-то прозрачные пластиковые нитки, на которых сушилась одежда. Из этих

хорошо утепленных мест можно наслаждаться метелью. Затем она обернулась. Бабушка в традиционном платке торговала овощами на обочине дороги, две дамы протянули ей мелочь, и та сложила ягоды в бумажный пакет. София вспомнила фразу, которую однажды сказал ей один из ее учителей. «В путешествии самое большое расстояние – это расстояние от двери».

Затем она села в машину:

– В аэропорт, пожалуйста.

И она тихонько заплакала. Водитель изредка посматривал на нее в зеркало. София видела его глаза, которые пытались понять, нужно ли ему сказать что-нибудь. Но ей не хотелось разговаривать, поэтому она отвернулась к окну и стала смотреть на свой поток воспоминаний обо всех прошедших месяцах. Школа, прогулки, обеды и ужины с Олей, смех дома за чашкой вечернего кофе или за стаканом настойки или же травяного чая, в зависимости от дня, мороза, настроения. Она подумала о том последнем ужине с Виктором. За все восемь месяцев это единственное плохое, что произошло с ней. Возможно ли вообще стереть дурные воспоминания? Такую систему еще не изобрели. Она работает для сообщений, их и вправду теперь можно вовремя удалить. Но для эмоций, для чувств, для нашей боли или даже простого раздражения ничего подобного еще не изобрели. Было бы здорово, если бы можно было сделать, как в том фильме, «Час расплаты», где можно что угодно забыть по команде. У инженера Бена

Аффлека в контракте есть пункт, согласно которому каждый раз, когда действие договора прекращается, воспоминания, связанные с его работой, должны быть удалены. И так оно и происходило. Но это всего лишь фильм. А в реальности человек в этой области ничего не добился, забыть по команде невозможно, сделанного не отменить. Человеку нужно научиться не причинять боль другим, но эта задача кажется еще сложнее.

Когда Оля зашла домой, сразу произнесла громким голосом:

– София?

Одно мгновение она надеялась, что та просто вышла по делам. Затем она зашла в ее комнату и, увидев, что вся одежда все еще лежит в шкафу, вздохнула с облегчением, но в гостиной она заметила на столе записку и поняла, что ошиблась. Она взяла записку, села в большое кресло, смотрящее на окно, и уставилась на него, не зная, что делать. А потом она начала читать.

Глава семнадцатая

«Ты лучшая мама в мире, возможно, именно поэтому я и выбрала тебя. Ты научила меня всему, я старалась быть для тебя той дочерью, которую ты всегда хотела. Возможно, я стала для тебя идеальной дочерью, если говорить исключительно о той любви, которую я испытываю к тебе. На самом деле ее даже больше, чем я могу выразить. Можно даже считать меня двойняшками, потому что моя любовь к тебе умножается на два. Я обязана тебе всем, Оля, каждой нотой и всеми самыми прекрасными аккордами в моей жизни. Ты показала мне поэзию музыки, важность жизни, красоту каждого нашего мельчайшего движения. Все твои уроки и выговоры, если хочешь, научили меня многому, в том числе не выбрасывать ничего из своей жизни, даже вчерашний вечер. Я могла бы оценивать его как угодно, но взвод „Ольга“ уже дал ему справедливую оценку. Не знаю, когда мы увидимся в следующий раз, но, возможно, даже обсуждать это было бы неправильно. Потому что ты всегда со мной, в моем сердце. Я бы не хотела прощаться с тобой или, еще хуже, позволять тебе провожать меня, потому что я бы слишком много плакала. Сейчас же я просто хочу отдать тебе должное и выразить свою любовь, а не плакать. Я просто хочу быть счастливой. Спасибо, твоя дочь София».

Читая, Оля не могла остановить слезы, они стекали по ее

щекам, словно ручей, словно дождь.

«О нет, они сейчас намочат ее письмо».

Некоторые слова Софии расплылись, оставив на листе пятно и окрасив все вокруг в синий цвет. Оля встала, взяла полотенце, еще свежо пахнущее чистым бельем, и аккуратно приложила его к письму, стараясь убрать как можно больше влаги. Затем она сложила его и положила в ящик своего стола, где хранила все свои самые любимые воспоминания, как если бы это письмо было самой драгоценной партитурой в ее жизни, ее личной и неповторимой сонатой, существующей в одном экземпляре.

После долгого путешествия и пересадки в Москве София вот-вот должна была приземлиться. Она услышала оглушающий визг шин Airbus 350, а затем объявление капитана, приветствующего пассажиров в Риме. Вскоре после этого она вышла из автоматических дверей, и тут же легкий ветерок донес до нее запах моря из города Фьюмичино. София встала в очередь и, пропустив двоих человек, села в такси.

– Куда мне вас отвести?

Она была удивлена этому джентльмену с его особенно вежливыми манерами, аккуратным внешним видом и даже его итальянской учтивости. Она ожидала встретить классического римлянина.

– Виа дей Серпенти, 35. – Затем она добавила для уточнения: – Район Монти.

– Да, – улыбнулся таксист, – я хорошо знаю этот район.

София чуть ли не извинилась перед ним, когда такси тронулось. Она взяла мобильный телефон и посмотрела, какие отели находились поблизости. В конце концов, она нашла отель «Анфитеатро Флавио», который находился всего в сорока метрах от ее дома. От ее дома... Софию пробило на смех. Я не разговаривала с Андреа восемь месяцев. Может, и дома больше никакого нет. Они общались только через сообщения. Последнее было отправлено месяц назад. Так что, утопая в сомнениях, она решила позвонить.

– Здравствуйте, отель «Анфитеатро Флавио».

– Добрый вечер, я хотела бы узнать, есть ли у вас свободные номера.

– На сегодня?

– Да.

– Минутку, пожалуйста... Да, на сегодня есть.

– Хорошо, спасибо.

София повесила трубку. На сегодня есть. Это означает, что как минимум два номера свободны, а через час она уже будет знать, что ей делать. Затем она заметила, что таксист смотрел на нее в зеркало. «Может быть, он услышал мой разговор, – думает София, – а теперь задается вопросом: как же так, сначала она дала мне адрес, а теперь подыскивает номер в отеле? И что же мне делать? Где мне ее высадить? Что ж, и действительно ситуация не совсем понятная».

В конце концов, таксист больше не мог терпеть, его охва-

тило любопытство.

– Извините, пожалуйста...

– Да, что такое?

София была готова разъяснить ему, как все обстояло, хотя на самом деле ее раздражало то, что кто-то лез в ее дела, и особенно то, что кто-то подслушивал ее разговор. Но с другой стороны, что в России, что в Италии, что в любой другой части света – все таксисты мира одинаковые.

– Вы, случайно, не знаменитая пианистка?

София покраснела, в основном из-за того, что плохо думала об этом человеке.

– Погодите, вы играли... Да, вы играли концерт на виа делла Кончильяционе?

– Да, это была я.

– Да, я так и думал, – улыбнулся таксист. – Несколько лет назад я работал водителем в другой службе такси, я приехал за вами в концертный зал, и мне даже удалось немного послушать, как вы играете.

– Вам понравилось?

– Я был очень тронут вашей игрой. Примите мои комплименты вашему таланту. – Затем он в последний раз посмотрел на нее в зеркало: – Надеюсь, что смогу когда-нибудь снова вас услышать. С возвращением.

Глава восемнадцатая

– Входите.

После стука дверь отворилась и вошел Савини. Танкреди сидел за столом.

– Привет, присаживайся. Как твои дела?

– Добрый день. Хорошо. – Прежде чем он сел в кресло напротив Танкреди, Савини положил папку ему на стол. – Вот последние новости. Она ужинала с этим Виктором. Он подарил ей редкую партитуру XVIII века одного из самых ранних произведений Моцарта. Потом они поехали к нему домой... – Танкреди застыл всего лишь на одно мгновение, но Савини сразу это заметил: – Мне продолжать?

Танкреди постарался придать себе самый естественный и невозмутимый вид и притвориться, что это его совсем не интересует.

– Да.

– Через несколько минут она быстро вышла. Как только она оказалась на улице, то разбила окно в его машине и разорвала партитуру.

Танкреди успокоился. На его лице появился некий намек на улыбку, а затем он рассмеялся:

– Это в ее стиле.

– Вчера утром он ждал ее у музыкальной школы, чтобы извиниться, и принес ей букет цветов. Она не сказала ему ни

слова, сделала вид, что принимает цветы, а когда он ушел, выбросила их.

– Судя по тому, что ты мне рассказываешь, у этого Виктора не было ни единого шанса.

– Абсолютно никакого. Это была игра в одного. Он совершенно недооценил такую девушку, как София. Он думал, что полностью понял ее.

– Это самая большая ошибка, которую можно совершить по отношению к ней.

– Тебе нужно что-нибудь еще?

– Спасибо, нет.

Савини вышел из офиса. Танкреди встал из-за стола и подошел к окну. «Мужчины видят ее, очаровываются и думают, что понимают, как она устроена. Они заблуждаются, считая, что пары комплиментов, оригинального подарка, усиленного внимания и ужина будет достаточно. Им сразу кажется, что они могут ее покорить. Но тогда реальность бьет их под самый дых. Сложность Софии. Ее глубина. Ее упорство. Она словно неприступная крепость, из которой она защищает саму себя. Дело в ее уникальности, особенностях, исключительности. Она – редкая жемчужина, для многих непонятная. Но, возможно, я кое-что понял в ней». Эта мысль вдруг заставляет его почувствовать себя немного лучше, но всего лишь на крохотный момент. Стоило ему подумать об этом чуть подольше, как он понял, что он неправ. Это помогло ему осознать свою глупую самонадеянность.

Была одна вещь, которая проясняла все, не оставляя ни тени сомнения: она не с ним.

Глава девятнадцатая

София с улыбкой вышла из такси, таксист хотел предложить ей поездку в обмен на автограф, но она тут же ответила:

– Я дам вам автограф, только если заплачу.

В итоге они сошлись на том, что он сделает ей скидку. Она попросила высадить ее в конце улицы и направилась к своему дому: «Мой дом. Если только он еще есть, если он еще здесь. Меня это смешит. Может, мне следовало его предупредить. Обычно все предупреждают, когда возвращаются домой, если не хотят наткнуться на какой-нибудь сюрприз».

– Дорогой, я передумала, прилетаю сегодня вечером, буду к ужину...

Но София не знала, что писать, не знала, что думать, не знала, что она будет чувствовать, и хотела узнать это, не сообщая ничего никому. Пока ее чемодан катился по брусчатке, натываясь на небольшие неровности в виде корней деревьев по краям дороги, София оглядывалась по сторонам. Старый ювелирный магазин сменился крошечным мини-маркетом, возле которого стоял мужчина, возможно из Бангладеша, и разговаривал по телефону с невероятной скоростью. С другой стороны улицы химчистка смогла выстоять. «Слава богу, – подумала София, – может, она мне поможет». И как раз в этот момент из магазина вышла Доната,

хозяйка, дама лет шестидесяти, вечно веселая чочара², которая могла рассмешить всех, едва открыв рот.

– София! Какой приятный сюрприз! Что же это за день чудес! Ты знаешь, я думала о тебе буквально на днях. Что же с тобой случилось, я думала об этом еще и потому, что... – и она залетела обратно в магазин. – Смотри, что у меня все еще есть! – Она вышла и показала ей платье, завернутое в прозрачный целлофан и висевшее на тонкой вешалке: – Ты забыла, да?

– Но я вернулась специально, чтобы забрать его.

Чочара Доната расхохоталась:

– Вечно ты смеешься надо мной! Так что же нам с ним делать? Заберешь его сейчас или позже?

– Чуть позже.

– Ладно. Только не забудь про него опять!

– Ну нет, в этот раз точно не забуду.

Доната улыбнулась, вернулась внутрь и повесила платье за прилавок:

– Что ж, тогда с благополучным возвращением!

– Спасибо...

София направилась в сторону дома: «Все рады, что я вернулась. Это замечательно, но будет ли рад он?» Она подумала о Донате, о ее жизнерадостности, ее манере общения, о том, как она тут же узнала ее и насколько она была вежли-

² Чочара – девушка из Чочарии, неопределенного региона в Лацио. – *Примеч. пер.*

вой. «Она не спросила меня, как сделали бы другие: „Где же ты была все это время?“ А Андреа... В смысле, с ним все хорошо?» Она могла бы спросить меня и про него, ведь он тоже всегда пользовался этой химчисткой». Потом вдруг она вспомнила все, что София все делала сама – сама заботилась о покупках, приносила постирать вещи Донате, готовила, снимала деньги в банкомате, платила уборщице... А теперь Андреа снова может ходить, теперь Андреа независим от нее. Доната, должно быть, замечала все это, но никогда об этом не упоминала. А может, Андреа уже нет, он тоже просто собрал свои вещи и ушел, решил начать новую жизнь где-нибудь в другом месте, возможно, даже в другом городе. «В конце концов, я ведь тоже уехала на другой конец света». Затем она остановилась на улице напротив дома номер 35, поставила чемодан и открыла сумку. Она отыскивала связку ключей, достала и стала их разбирать, пока не нашла ключ от входной двери. Она сразу увидела его, потому что он самый длинный. Она вставила его в замочную скважину и медленно попыталась повернуть. Замок щелкнул и открылся. «Что ж, – подумала она, – пока все хорошо. Замок не меняли». Затем она закрыла за собой дверь и вызвала лифт. Она посмотрела на часы. Шесть часов по римскому времени. Может быть, его нет дома, это ведь и его дом тоже. Наш. Она улыбнулась. Они купили эту квартиру вместе. Затем она зашла в лифт и нажала кнопку седьмого, самого последнего этажа. «Скоро я все узнаю». Он пощелкала ключами от дома, пы-

таясь скоротать время, а затем двери открылись. Вместе со своим чемоданом она вышла и остановилась перед входной дверью. «Вот наш этаж». Коврик поменяли, и двух растений здесь раньше не было. Видно было, что их недавно полили, потому что они выглядели свежо. Но скамейка стояла та же, что и раньше. Затем с неуверенностью она поднесла указательный палец к звонку и позвонила. Сухой звук разлетелся по всему этажу и оставил за собой легкое эхо. Здесь было так одиноко. Она выждала несколько секунд, затем позвонила снова, оставив звук побренчать подольше, чтобы удостовериться наверняка. Но все равно никто не подошел к двери. Тогда нужно попробовать. Она вставила ключ в замок, протолкнула его до упора и повернула. Нужно было повернуть три раза – его закрыли до конца.

София медленно приоткрыла дверь, а затем толкнула ее до конца:

– Кто-то есть дома?

Она решила сначала спросить. Ничего. Тишина. Ответа не было. Она вошла, затащив за собой чемодан, и поставила сумку на шкаф слева. Они нашли его в магазине в Мексике во время своей последней поездки перед аварией. Им обоим он так понравился, что они купили его и отправили домой. А затем они продолжили свое путешествие. Шкаф приехал вместе с ними, когда они вернулись в Рим. Они еще не успели войти в квартиру, как курьеры уже звонили в домофон. Они впустили их внутрь, те собрали шкаф. Тогда они ста-

ли спокойно решать, куда его можно поставить, но он весил так много, что, как они ни пытались, так и не смогли его передвинуть. Это было прекрасное путешествие, полное солнца, моря и любви. Все их путешествия были прекрасными до той аварии, а потом все стало казаться уродливым, даже этот шкаф. «Это состояние нашей души заставляет нас видеть красоту вещей или не замечать ее», – подумала София. Затем она улыбнулась: «Я очень рада. Он не поменял и этот замок».

Глава двадцатая

Бродя по своему собственному дому, София вдруг поняла, что чувствовала себя вором. Постепенно она успокоилась: «Ведь половина здесь все-таки моя, я тоже вложилась в покупку». Таким образом она превратилась из грабителя в детектива и стала агентом отдела научных исследований карabinеров. Она осмотрела каждый уголок дома и начала со шкафа, в который положила свою сумку. Она нашла счета, просмотрела их, но не нашла никаких улик, которые могли бы ее встревожить. Все это была обычная почта, квитанции на оплату, объявления, выписки по кредитной карте Андреа. Этот конверт был уже открыт, так что она достала то, что было внутри. Ее сердце забилось быстрее, ведь тут она наверняка могла что-нибудь найти. Но нет, нет ничего ни о ресторанах, ни о путешествиях, ни об отелях, ни о каких-то других особых расходах. Она подняла плечи: да и зачем ему платить за отель, если у него есть целая квартира? Он мог привести сюда любую женщину. Андреа не такой – он никогда бы этого не сделал, потому что очень уважал ее и их брак. Он бы никогда не изменил своей жене таким образом. «А женаты ли мы до сих пор? Я все еще его жена?» София положила бумагу обратно в конверт и убрала его на место вместе с другой корреспонденцией. Затем она продолжила исследовать дом. Холодильник не предложил ей ничего ново-

го: в нем лежали яблоки, апельсины, полуобезжиренное молоко, негазированная вода – словом, все, что он всегда любил и покупал. Никаких признаков инопланетного присутствия. София прошла по коридору и осмотрела его – все было на месте, новых картин и фотографий не висело, только их старые. Она взяла одну из них в старинной серебряной оправе. Улыбающиеся Андреа и София целовались, она одета в белое, он в синее, но этого не видно, потому что фотография черно-белая. Тем не менее она выражала, насколько счастливы они были в тот момент. София посмотрела на себя: на фото глаза ее блестели, улыбка растянулась на все лицо, такая жизнерадостная, искренняя. Тогда она задала себе один непростой вопрос: «Стану ли я когда-нибудь вновь такой счастливой?» На него, однако, не последовало абсолютно никакого ответа: ни простого «возможно», ни даже более самонадеянного, безусловного «да». Так что она отложила фотографию и вошла в комнату, которая могла дать тысячу настоящих улик, – в ванную. Она осмотрела ее – на раковине стояла одна зубная щетка, зубная паста и расческа Андреа. Она открыла шкафчик, полный обычных средств для мужчин, затем медленно, немного боясь, открыла вторую дверь. Это женское отделение, но все, что в нем стояло, было ее. Крем для тела с ароматом белого мускуса, масло-спрей от секущихся кончиков, несколько баночек лака для ногтей, салфетки для снятия макияжа, мицеллярная вода, увлажняющая сыворотка для лица, крем для рук с яблоком и корицей.

Но на сегодняшний день у многих из этих вещей истек срок годности либо же они просто высохли из-за того, что ими не пользовались. Она повертела несколько баночек, проверила названия. София прекрасно все помнила – да, это все ее вещи. Затем она открыла большой шкаф. Там лежало несколько свернутых полотенец и халат. София дотронулась до него, он был сухой, было видно, что им давно не пользовались. Закрыв шкаф, она прошла в последнюю комнату, самую интимную, самую компрометирующую – в спальню. Она медленно открыла дверь, словно боялась на кого-то наткнуться, но там было пусто. София осмотрелась по сторонам – все было аккуратно, чисто, и здесь тоже не было ничего постороннего. Сначала она заглянула в большой шкаф и увидела, что там лежала вся одежда Андреа, ничего нового не прибавилось. Разве что кроме темно-синей куртки и пиджака того же цвета. Затем она открыла свою половину шкафа и увидела, что вся ее одежда была на месте, даже в ящиках лежало все как раньше: рубашки, боксеры, носки Андреа; в другом ящике – ее трусы и комплекты нижнего белья. Она подошла к кровати и проверила покрывало – все было заправлено, но было видно, что использовалась только правая сторона кровати, та, где обычно спал он. На прикроватной тумбочке Андреа лежала книга. «A Legacy of Spies» Джона ле Карре. Он открыла ее на середине, где лежала закладка, – это была визитка одного местного клуба «The Race Club Speakeasy», но на ней ничего не было написано, кроме названия само-

го места. Она открыла ящик. Там лежали небольшой фонарик, пара конфет и куча других безделушек, среди которых была прозрачная пластиковая коробочка. София открыла ее и рассмеялась – там лежали беруши. И правда, иногда после того, как они занимались любовью, она шла к пианино и играла для него. Они сделали звукоизоляцию в гостиной и по всей квартире, чтобы не беспокоить соседей, но бывало и так, что София, охваченная страстью, играла несколько часов, так что у него не осталось выхода, кроме как надевать беруши. София закрыла коробочку и осторожно поставила ее на место. Затем она подошла к другой тумбочке. Сверху ничего не было, кроме светильника. Она прикоснулась к нему, он был холодный и пыльный. Женщине, которая приходила к ним убираться, стоило бы делать это тщательнее, хотя, похоже, что ее здесь не было уже давно.

Этот светильник уже давно не включали. Затем она открыла ящик и нашла там письмо с надписью: «Для тебя». Ее сердце замерло и тут же начало бешено колотиться. Несколько мгновений ей не хватало воздуха. Наконец она успокоилась, но все еще не знала, что ей делать – закрыть ящик или взять письмо и прочитать его? Она колебалась. В конце концов решилась.

«Итак, есть две вещи, которые мне нужно сказать... – Она начала читать. – Если ты вор, то мне жаль, потому что хотя я и против использования силы и оружия (теперь в вас

стреляют, даже если вы не успели сделать ничего плохого), ты проник в мой дом, на территорию частной собственности, и в этом совершил ошибку. Как бы то ни было, я прошу тебя взять другой конверт, тот, что лежал под этим, там лежит 1200 евро. Забирай и не громи мой дом в поисках неизвестных сокровищ, потому что, уверяю тебя, большие здесь ничего нет. Если же ты возьмешь какие-нибудь вещи, то знай – они ничего не стоят, но ты причинишь мне большую боль, потому что я люблю здесь все, абсолютно все, до самой дурацкой вещички. Честно говоря, жена постоянно ругает меня за то, что я ничего не выбрасываю. Так вот, а теперь о моей жене... Здесь вопрос стоит совершенно иначе, потому что если это ты читаешь это письмо, значит, ты вернулась, и я очень, очень счастлив. Все это время я не переставал мечтать и надеяться на твое возвращение. Потому что сейчас я люблю тебя больше, чем когда-либо».

София была растрогана и удивлена. Она счастливо улыбнулась, свернула письмо и положила его обратно в ящик. Затем она достала другой конверт и увидела, что там действительно лежали тысяча двести евро. Она задвинула ящик и вышла в гостиную. В ее конце была еще одна последняя комната, которую ей предстояло увидеть, – кладовка. Дверь была закрыта, но ключ торчал из замка. Она повернула его и открыла. Внутри лежало все, что было им нужно, когда Андреа был прикован к кровати из-за паралича: утка, ручки, чтобы держаться за них, поднимаясь с постели, и всякое дру-

гое оборудование, необходимое для его удобства. Он мог бы выбросить все, чтобы освободить кладовку. Но, возможно, он не хотел забывать о том, что ему был дан второй шанс, о том, что вот из этого могла состоять его жизнь. Тогда София расплакалась. На мгновение она забыла, что все это произошло по ее вине. По ее щекам текли слезы, плач постепенно превращался в рыдания. Ей было стыдно за то, какой она была невнимательной, бесчувственной, равнодушной. Когда слезы у нее кончились, она разделась, взяла халат и залезла в душ. Горячая вода помогла ей взять себя в руки, сняла ее усталость от путешествия и меланхолию. «Все кончено, – повторяла про себя София, – все уже позади». Потом она быстро высушилась, вышла в спальню и оделась. Какое-то время она еще побродила по квартире и, наконец, чтобы скоротать ожидание, села за пианино в гостиной и начала играть Сати Гимнопедию № 1. После того как она взяла последний аккорд, ей показалось, что она почувствовала, как он возвращается. Она подбежала к окну в гостиной, выходящему на дорогу, и действительно увидела его. Андреа ехал по улице, он был веселый, но больше всего Софию взволновало то, что он возвращался на велосипеде.

Глава двадцать первая

София нервно зашагала взад и вперед по комнате: «И что теперь? Что мне теперь делать? Что будет дальше? Все начнется заново? А хочу ли я этого? Что, если у него есть другая? А что, если она уже была? И есть до сих пор?» Вдруг на ум ее пришел прекрасный фильм «С Новым годом!» Клода Лелуша. Саймон – вор, влюбившийся в продавщицу антиквариата Франсуазу. Начинается страстная история их любви, а затем он пытается совершить ограбление, но его ловят и сажают в тюрьму. Через шесть лет в канун Нового года он выходит и сначала хочет уехать, не повидавшись со своей женщиной. Но затем, перед самым выходом, он передумывает и звонит ей. А она, как только слышит его голос, сразу спрашивает: «Где ты?» – «Возле тюрьмы, я выхожу». – «Ты сбежал?» – «Нет, меня освободили». – «Приходи скорее». Тогда Саймон берет такси и по пути к ее дому представляет, как она в спешке выгоняет мужчину, который был у нее. Так в действительности и оказалось. Франсуаза быстро выставляет любовника, наводит порядок во всем доме, моет посуду, ставит все на свои места, чтобы был идеальный порядок, чтобы от присутствия мужчины не осталось и следа. И когда появляется Саймон, она встречает его прямо в лифте и тут же обнимает. Они входят в дом, он оглядывается и, возможно, замечает что-то, но она не сомневается ни секунды: ее

разоблачили. И тогда с глубокой скорбью на лице она произносит: «Без этого я бы умерла. Это чтобы дожидаться тебя живой». Несколько секунд он молчит, не зная, что же ему делать со своей жизнью, принять ее измену или уйти навсегда. После долгих минут молчания Саймон просто говорит ей: «С Новым годом». И еще через несколько секунд молчания добавил: «А теперь можно и кофе».

«В этом вся прелесть фильмов. Все идет именно так, как нужно, или, по крайней мере, так, как хочется сценаристам и режиссерам, а актеры, такие как Лино Вентура, воплощают их желания. Я не настолько хороша, я не собираюсь встречать его в лифте. У меня нет никаких возможностей повторять эту сцену, ведь тут нет человека, который бы написал нам реплики, сказал бы, как двигаться. Пришлось бы импровизировать, а у меня никогда не получается сказать нужные слова, вечно я говорю что-то не то».

Итак, София посмотрела на себя в зеркало. В то самое зеркало, в котором она видела свое отражение почти год назад и не нравилась себе. Сейчас же она себя совсем не узнает и видит себя другой, правда, не знает, лучше это или хуже, хорошо это или плохо. «Нам всем предстоит что-то обнаружить в себе», – подумала она. Но времени больше не было, лифт приехал на этаж, она услышала шаги в коридоре, как вставили ключ в замок, как его повернули. Дверь медленно открылась.

– София, это ты?

– Да, я вернулась.

Андреа закрыл дверь. Затем он посмотрел на нее. София слабо улыбнулась. Кажется, что этот момент длился вечность. Все остановилось. Словно перед самым стартом гонки, когда участники напряжены до предела и находятся в полной готовности, они максимально сосредоточены на том, что должно произойти, когда еще никто не знает, что случится дальше.

А затем Андреа побежал ей навстречу:

– Любимая, как я рад тебя видеть!

Он притянул ее к себе, обнял, крепко прижал к своей груди, София отпустила себя и почувствовала, как Андреа погружается лицом в ее волосы, вдыхает ее духи, ее кожу. Он закрыл глаза и не двигался, ощущая этот парфюм, который был у нее всегда, тонкий, легкий, тот, который она носила с тех самых пор, как они впервые встретились.

Затем Андреа наконец оторвался от нее и посмотрел ей в глаза:

– Я ждал тебя каждый день, я каждое утро надеялся увидеть, как тыходишь в эту дверь, и каждый вечер надеялся встретить тебя именно на этом месте, на котором мы сейчас стоим. Большого подарка в моей жизни никто не смог мне сделать.

И он одарил ее легким поцелуем в губы, задержавшись на одно мгновение, но не слишком долгое, чтобы не потерять время, чтобы ничего не испортить, потому что это было не

первое свидание с девушкой, это была встреча с его женой и в довольно щекотливой ситуации.

Немного смутившись, Андреа отстранился от нее:

– Я безумно рад, что ты здесь... Ты видела? Я все оставил как было, ничего не передвигал, ничего не менял. Хочешь чего-нибудь выпить? Что я могу тебе предложить?

И в этот же момент, как только он это произнес, он понял, насколько абсурдно звучит эта фраза, насколько она фальшива и насколько неуместна. Они смотрели друг на друга одно мгновение, а затем разразились смехом.

– Что я могу тебе предложить... Какой ужас!

– Да, это точно.

Они все еще продолжали смеяться.

– Да уж, ну и ситуация...

– Да, странноватая.

– Я много раз думал, каково было бы снова встретиться с тобой.

София удивилась:

– И как? Сейчас все не так, как ты представлял?

– Нет, не так... Вот так я даже и представить себе не мог!

Андреа смотрел на нее и улыбался, но его глаза вдруг выдали все, что он на самом деле чувствует. Словно бы вся магия той особенной, живой, веселой, полной счастья и воображения любви внезапно исчезла... Словно вместо нее образовалось пустое место, какие-то далекие воспоминания, обещания, сказанные шепотом, словно вся та страсть на пляже,

состоящая из смеха, песен, поцелуев, ночного купания голышом и невероятного желания всего и сразу, внезапно погасла. Как водой из ведра окатили – и все. А этим двоим хотелось добраться до вершины мира... Какой они представляли себе свою жизнь? Плавание наедине друг с другом, море, и они оба – прекрасные, сильные, неповторимые. Они бы остановились в каком-нибудь порту, чтобы родить детей, а потом бы плыли дальше. А вместо этой мечты их корабль выглядел так, словно внезапно сел на мель, застрял в скалах и его заливало водой; и словно шансов больше не осталось – им неизбежно было суждено утонуть. Эта же тоска перенеслась и на Софию и тяжело сдавила ей грудь. Она увидела боль, бездну этого чувства, такую темную, такую пустую, такую ужасно серую – от корабля остались одни обломки.

– Неужели все действительно настолько плохо?

– Нет! Плохо, нет... Я просто никогда не думал, что буду стыдиться тебя. Только это плохо.

Затем София подошла к нему и крепко обняла. Затем отстранилась от него и посмотрела ему прямо в глаза:

– Мне очень жаль.

«Андреа такой красивый прямо сейчас, он вновь обрел жизнь, свет. Это просто чудо. Я не могу поверить, что он снова ходит. Этот парень был парализован, а теперь вновь здоров, силен и красив. И да, это же мой прекрасный муж». София улыбнулась ему, и Андреа медленно приблизился к ней и поцеловал еще раз. В этот раз поцелуй был глубоким,

полным любви, равно как страха и неуверенности. Андреа отстранился, затем снова обнял ее и сильно прижал к себе. Он положил голову ей на плечо и прошептал на ухо:

– Я думал, что потерял тебя и что больше никогда не увижу...

София нежно погладила его по голове, с той же прежней мягкостью:

– Но ты ошибся. Я здесь, я вернулась.

Глава двадцать вторая

Вдруг у Андреа изменилось настроение, он очень воодушевился:

– Итак, знаешь, что мы будем делать? Я быстро бегу в душ, и мы куда-нибудь ходим. Ты как?

– Отлично.

– Пойдем поедим в каком-нибудь месте поблизости, прямо как в студенческие годы. Нужно отпраздновать твое возвращение.

Андреа скрылся в спальне. София пошла на кухню и взяла пиво, которое она заметила, когда все осматривала. К счастью, он все еще покупал «Isaac Baladin». Она открыла его и ушла в гостиную. Повернув ручку на двери террасы, она вышла наружу. Там из-под навеса она достала сложенный стул и села рядом со стеной. Свои лодыжки она положила на край перил, как настоящая бунтарка. Ее юбка опустилась и коснулась земли, прикрывая нижнее белье, но обнажая ноги. Затем она положила голову на спинку сиденья и стала пить пиво, глядя на крыши домов. Недалеко на другой террасе женщина собирала белье. Она снимала прищепки одну за другой и складывала их в карман фартука, затем она взяла простыню, свернула ее и аккуратно сложила в большой синий таз, который поставила у стены террасы, и так она продолжала – одно за другим, одно за другим... рубашки, футболки, брю-

ки, полотенца опускались в этот таз. Когда же она сняла с нитки последнюю кофту, то с невероятной силой подняла таз одной рукой, открыла дверь и исчезла внутри. София огляделась по сторонам. Далеко в небе парили стаи птиц, пытаюсь сформироваться в какой-нибудь более или менее понятный рисунок, а дальше впереди между выступающими балконами и небольшими башенками неподвижно висели слегка подернутые закатным солнцем колокола. На почти полностью розовом небе в свободное пространство между облаками пытался пробиться голубой цвет. Время от времени какая-нибудь чайка в одиночестве преодолевала известный только ей одной путь. «Как прекрасен Рим, и как же я счастлива вернуться».

– Я все, я готов. – Андреа появился на пороге террасы.

София успела сделать еще один глоток пива, а затем встала.

На нем были ярко-синяя рубашка, серые брюки, темно-синие мокасины и синий хлопковый джемпер с круглым вырезом.

– Я взял и твой на случай, если станет холодно. – И он протянул ей джемпер светло-кораллового оттенка. – Этот пойдет? – нерешительно спросил он.

– Конечно, он мне всегда так нравился. Твой подарок, – сказала София, заходя внутрь.

– Да, это я помню.

София решила проверить его:

– А по какому поводу ты мне его подарил?

Андреа улыбнулся, пропустил ее вперед, закрыл дверь, трижды повернул ключ и затем вызвал лифт:

– На Пасху 2010 года. Вместе с шоколадными яйцами «Вэнки».

София сделала вид, что приняла оборонительную позицию:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.